

Наталья Соболевская

A romantic book cover featuring a man and a woman in a modern interior. The woman, with long, wavy brown hair and blue eyes, is in the foreground, looking over her shoulder at the camera. She is wearing a light pink, off-the-shoulder, ruffled dress. The man, with dark hair and a light beard, is behind her, looking out a window. He is wearing a white button-down shirt. The background shows a window with a view of a blue sky and a modern building. The title 'Временная невеста' is written in large, white, serif font at the bottom.

Временная невеста

Наталья Соболевская

Временная невеста

«Автор»

2026

Соболевская Н.

Временная невеста / Н. Соболевская — «Автор», 2026

Влиятельный бизнесмен предложил мне сомнительную, но невероятно прибыльную сделку. Я поразительно похожа на его дочь, и пока настоящая наследница лечится в клинике, отец хочет подсунуть «двойника» будущему жениху. Моя задача — познакомиться с ним, произвести впечатление и очаровать. А когда сильные мира сего договорятся о браке, я должна тихо исчезнуть. Но я влюбилась...Теперь передо мной стоит непростой выбор: признаться в обмане — и тогда он меня возненавидит, или молчать, понимая, что скоро рядом с ним будет другая.

© Соболевская Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	20
Глава 6	24
Глава 7	29
Глава 8	32
Глава 9	35
Глава 10	38
Глава 11	41
Глава 12	44
Глава 13	47
Глава 14	51
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Наталья Соболевская

Временная невеста

Глава 1

— Дим, глянь-ка на официантку, — шепчу я заму.

Этот боров, не отрываясь от обглаживания кости, лупит своими пороссячьими глазками куда-то в сторону барной стойки.

— Да нет же, не на блондинку! — раздражаюсь я. — Вон, шатенка, обслуживает столик в углу.

Тычу ему вилкой в нужном направлении. Дмитрий, наконец, фокусируется, вглядывается — и аж закашливается, подавившись мясом.

— Ничего себе, — вытирает он губы салфеткой. — Игорь Сергеевич, как же она на вашу дочь-то похожа. На Елену. Не стояла бы в переднике и с меню — я бы обознался.

— Ладно ты, я бы сам её за Ленку принял, если бы на улице встретил.

— Игорь Сергеевич, — он понижает голос. — А может, неспроста их сходство? Ну, всякое бывает. За всем ведь не уследишь. Вдруг девушка — ваша дочь?

— Чепуху не мели! — рявкаю я. — Быть такого не может. Эта девица с моей дочерью одного возраста, а я в то время по бабам не шастал. Пахал как проклятый. На жену и то сил не хватало. Побочных детей у меня точно нет.

Замолкаю и вновь смотрю на официантку. Она ловко скользит между столами, улыбаясь какому-то дряхлому старикану.

— Но вот что, — добавляю я. — Её сходство с Ленкой может сыграть мне на руку.

— Это как? — Дмитрий схватился уже за следующее ребро.

— Я Нечаеву недавно предложил породниться. Чтобы у инвесторов не возникло сомнений, что мы друг друга не кинем и доведём проект до конца. Если он женится на моей Ленке, мы станем одной семьёй. С общими финансовыми интересами.

— А он что?

— Да бог его знает. По нему разве поймёшь. Но с ходу не отказался — и то хлеб. Сказал: «На невесту сначала посмотрю, потом решу». Договорились, что привезу дочь на горнолыжную базу, они там познакомятся. Да только эта курва опять сорвалась.

Дмитрий отложил ребро.

— Снова?

— Сбежала, дрянь, от охраны. На трое суток ушла в отрыв. Я её нашёл, за лохмы оттащал и в клинику отправил. Её в таком состоянии Нечаеву показывать нельзя. Он сразу выкупит, что товар с душком.

Заместитель сочувственно вздыхает:

— Опять сорвалась. Как же так? Я её ещё совсем девчушкой помню. Она за вашей ногой от меня пряталась. Ангельский был ребёнок.

— Я сам виноват, — с досадой выплёвываю я. — Упустил в своё время девку. Сутками торчал на работе. Уходил — она ещё спит, возвращался — уже в кровати. А может, её там и не было — я разве проверял. Деньги только на карту закидывал, так сказать, исполнял отцовский долг. А отвязанная девка с бабками — это для всякой швали находка. Когда я чухнул, что происходит, она уже по уши в дерьме сидела. Теперь вся надежда на лечение. И за Нечаева я хочу её выдать не только ради проекта. Поженятся и, может, он вправит ей мозги. С его характером должно получиться. Меня-то она ни во что не ставит, даже не слушает. А официантка поможет мне эту свадьбу организовать, я её Нечаеву представлю, как свою Ленку.

У Дмитрия изо рта выпадает кусок мяса.

— Игорь Сергеевич, вы меня извините, но из этой затеи ничего не выйдет. Они похожи, да. Но не до такой степени. Официантка моложе. Ростом ниже. Отсюда не видно, но у них и цвет глаз может быть разный. Да и двух одинаковых голосов не бывает.

— Ровесницы они. Просто Ленка малюется как в последний раз — краска с лица на пол сыплется. Официантка ниже, потому что в тапках, а не на огромных копытах. Наденет каблуки — сравняются. Цвет глаз — не проблема, линзы напялит. Голоса — ерунда. У молодых баб они похожие.

Дмитрий сглатывает, врезается пузом в столешницу и, глядя на меня затравленно, начинает тарыхтеть:

— Игорь Сергеевич, кого-то другого, согласен, можно было попробовать обмануть. Но Нечаева не надо, не рискуйте. Боком потом выйдет. Он же дотошный. Ни одной детали не упустит, запоминает всё как машина. Он заметит разницу между девушками. Как пить дать — заметит.

Я барабаню пальцами по столу.

— Разница между ними есть, согласен. И Нечаев может её заметить. Но что, если эту разницу стереть временем? А?

— В смысле?

— Я подсуну ему официантку вместо дочери. Мы договоримся о свадьбе. А потом я объявлю, что отправляю Ленку на несколько месяцев стажироваться за границу. И время сотрёт те небольшие отличия, что между ними есть. Я, бывает, полгода человека не вижу — а потом даже вспомнить не могу, как он вообще выглядит.

Дмитрий молчит. Переваривает.

— Может, и получится, — наконец говорит он. — Но только ваша дочь окончила университет. В подростковом возрасте почти профессионально занималась спортом, знает, где и как себя вести, уровень у них разный, — Дмитрий одну руку задирает вверх, а другую опускает чуть ли не до пола.

— Думаешь, эта официантка сильно моей Ленки дурнее? Ошибаешься. Она, поди, ещё учится. А с подносами бегают, потому что деньги на жизнь нужны. Ты посмотри на неё. Все остальные официантки — зачуханные, с замызганными фартуками. А у этой фартук аж слепит. Волосы аккуратно убраны в шишку. И старается она для каждого клиента, потому что соображает, по внешнему виду не стоит судить о кошельке. Так что, когда я её в нормальные шмотки одену и в бабский салон отведу — моей Ленке ещё придётся дотягивать до её уровня.

Алиса

Едва волооча от усталости ноги, выхожу через служебный выход ресторана на улицу и по сильнее натягиваю шапку на уши. К ночи не только похолодало — ещё и ветер поднялся. Не люблю я февраль. Зима к этому времени успевает осточертеть, и уже не вмоготу, как хочется тепла, яркого солнца и избавиться от всей этой многослойной верхней одежды.

Сегодня день как день. С утра — четыре пары в университете, потом провела два онлайн-занятия, натаскивала школьников к ОГЭ по математике, затем смена в ресторане. Устала как собака. Но греет мысль, что завтра редкий случай, мне вообще никуда не надо — ни на учёбу, ни на работу. Будут только занятия с учениками, но я провожу их удалённо, так что это не в счёт. Ради них даже носа из дома показывать не придётся.

Ничего, выматываться на износ каждый день осталось недолго. Последний курс, отучусь ещё несколько месяцев — а там экзамены, защита диплома, и можно устраиваться на работу по специальности. Экономистом. С графиком с девяти до шести, двумя выходными, обедом и отпуском. По сравнению с моим нынешним расписанием это почти как отдыхать.

Заметила боковым зрением, что немного позади меня, на дороге машина сбросила скорость, подстроилась под мой шаг и катится следом.

Ограбление исключая: один взгляд на меня — и сразу ясно, взять нечего. Так что если мне не мерещится, и водитель мной заинтересовался, то либо всё невинно, и он просто хочет познакомиться, либо это извращенец-маньяк.

Бабуля учила меня надеяться на лучшее, но быть готовой к любому исходу. Поэтому ныряю в сумку и нащупываю перцовый баллончик. У него, правда, истёк срок годности, но с ним всё равно как-то спокойнее.

Машина слегка разгоняется, равняется со мной, опускается переднее боковое стекло, и я слышу мужской голос:

— Девушка, вы могли бы уделить мне несколько минут?

— Нет! — отвечаю я резко, даже не повернув головы.

Судя по голосу, мужик взрослый. Вернее, возрастной. С такими я не знакомлюсь. И будь на его месте парень моего возраста, у него со мной всё равно ничего бы не вышло. Потому что нефиг пугать девушку и пытаться с ней познакомиться в одиннадцать вечера на безлюдной улице.

— Этот разговор будет полезен не только мне, но и тебе, — не сдаётся он. — У меня к тебе необычное, но крайне прибыльное предложение.

— С необычным прибыльным предложением вы не по адресу обратились. Есть специальные сайты, там уламывать никого не надо. Вашим деньгам там будут рады в любое время суток.

— Спасибо за разъяснение, где искать даму на ночь, — с иронией отвечает он. — Но меня интим не интересует. И мне нужна именно ты.

Машина останавливается, хлопает дверь, и я, понимая, что при всём желании от мужчины не убегу, вынимаю из сумки руку с баллончиком, разворачиваюсь и, целясь распылителем этому ненормальному прямо в лицо, предупреждаю:

— Ещё шаг — и мало не покажется!

Мужчина, не будь дураком, тут же поднимает руки, в знак того, что не планирует нападать и отступает.

— Алиса, я понимаю, как это выглядит. Но поверь, я не собираюсь причинять тебе вред. Единственное, о чём прошу — просто выслушай.

— Откуда вы знаете моё имя? — выкрикиваю я. Ситуация с каждой секундой пугает меня всё сильнее.

— Спросил в ресторане, где ты работаешь. Я там сегодня ужинал, увидел тебя и понял, мы можем быть друг другу полезны.

— Что бы вы там ни хотели, меня это не интересует. Я вас боюсь. Садитесь в машину и уезжайте. Или я звоню в полицию. С ними потом будете объясняться — про намерения и про планы.

— Я ничего тебе не сделаю. Хочешь, паспорт покажу? — он суёт правую руку под пальто, видимо, за документами.

— Ага, это сильно поможет, — хмыкаю я. — Навряд ли, когда я стану трупом, смогу кому-нибудь ваши данные продиктовать.

— Алиса, если бы я задумал плохое, разве взял бы с собой водителя. Зачем мне лишний свидетель? — мужик активно закивал в сторону автомобиля.

Я нагнулась и заглянула в салон. За рулём и правда сидит здоровенный детина и тоже недобро пялится на меня.

— Я смотрю на вашего водителя не как на свидетеля, а как на соучастника. Вдвоём-то сподручнее. Так что, ну такой себе аргумент.

— Меня зовут Шестаков Игорь Сергеевич, — представляется он, видимо, решив начать разговор без моего на то согласия. — У меня есть дочь Елена. Вы с ней поразительно похожи. Вот

Он достаёт из кармана пальто телефон, тыкает в него пальцем и поворачивает экраном ко мне. Я понимаю, что там фотография девушки, но с такого расстояния лица не разглядеть.

— Она заболела и сейчас лечится. А мне нужно срочно представить её будущему жениху. Я хочу попросить тебя ненадолго сыграть её роль. За весьма хорошее вознаграждение. Не думай, всё предельно прилично: встретитесь, поужинаете, всё в моём присутствии.

— Большого бреда в жизни не слышала, — выплюнула я. — Если вы говорите правду, и я нужна вам именно для этого, поздравляю, вы рехнулись. Поезжайте к дочке и лечитесь с ней на пару.

Судя по взгляду из-под бровей Шестаков теряет терпение и уже едва сдерживается.

— Возможно, это и бред. Но какое это имеет значение, если за его воплощение я готов щедро заплатить. Настолько щедро, что твоя жизнь изменится.

— Да-да, или вы заговариваете мне зубы, а как только бдительность потеряю, ткнете меня по голове, бросите в багажник, и проснусь я без почки. Если вообще проснусь.

— Если бы я хотел пустить тебя на органы, стал бы я начинать разговор? — усмехается он. — Ткнул по голове и закинул в багажник — твои же слова.

Он возвращается к машине, протягивает через окно руку в салон, что-то берёт и снова шагает ко мне.

— Не подходите! — рявкаю я, вскидывая баллончик.

— Спокойно. Это не оружие. Всего лишь деньги, — он проводит большим пальцем по ребру пачки, и купюры с хрустом перелистываются одна за другой. — Здесь твой полугодовой заработок. И это только аванс. Сыграешь мою дочь — получишь втрое больше. Держи.

— Спасибо, обойдусь, — говорю я, стараясь, чтобы голос звучал предельно брезгливо. — Задумали махинацию — ваше право. Я в этом не участвую. Ищите другую дурочку.

Он снисходительно усмехается, убирает деньги обратно, снова тыкает в экран телефона, и мой мобильный звонит.

— Подумай над моим предложением. Хорошенько подумай. Чтобы потом не пришлось кусать локти. Как примешь правильное решение — позвони. Мой номер теперь у тебя есть. Только не тяни. Через несколько дней моё предложение потеряет актуальность.

Глава 2

Лишь когда мужчина садится в машину и уезжает, я понимаю, насколько сильно меня трясёт.

— Ну ни хрена себе, — выдыхаю я, обхватываю себя руками и начинаю истерично смеяться.

До метро в этот раз бежала не козьей тропой, как обычно, срезая через дворы, а по центральной улице. И всё равно оглядывалась, мне мерещилось, что Шестаков едет за мной следом.

Успокоилась только дома, когда не просто закрылась на два замка, но ещё и подпёрла дверь стулом.

Приняв душ, первым делом залезла в интернет, чтобы утолить любопытство, и набрала в поиске: «Шестаков Игорь Сергеевич». Во вкладке «Картинки» сразу появилось множество фотографий — с той самой наглой рожей моего нового знакомого.

Судя по тому, что удалось о нём прочесть, мужик бизнесмен и действительно при деньгах. И про дочь он не соврал, нашла фотографию с ней, и хоть снимку лет пять, внешнее сходство со мной он тоже не выдумал.

Значит, предложение было реальным.

Вспомнила, как приятно хрустели купюры, и в голове снова послышался мужской голос: «Это только аванс, после получишь ещё втрое больше».

Отдал бы он мне эти деньги просто так? Я бы купила новые сапоги на весну, ещё духи — уже и забыла, когда в последний раз пользовалась парфюмом. Заменила бы чайник, а то за моим приходится следить, сам он уже не отключается. И главное — починила бы бабуле в доме крышу. А то скоро дожди, и опять придётся по всем комнатам расставлять ведра с тазами.

Может, зря я отказалась? Хотя поезд же ещё не ушёл.

Тряхнула головой.

Совсем я сдурела. На ремонт крыши сама заработаю. Без остального обойдусь. Известно же, чем дочка Шестакова болеет? Точно не ангиной и не руку сломала. Может, у неё шизофрения или что похуже. Если помогу отцу с помощью хитрости выдать дочь замуж, великая и беспощадная вселенская справедливость за этот обман так мне по голове настучат — не оклемаюсь.

Утром все мои планы отоспаться на неделю вперёд идут по одному месту, когда в шесть утра в дверь начинают трезвонить. Я, конечно, злюсь, но всеми силами стараюсь подавить это чувство, потому что знаю: явилась хозяйка квартиры за оплатой. Человек она пожилой, ей не спится — по своей бабуле знаю, она тоже встаёт ни свет ни заря.

Достаю из шкафа заранее приготовленный для Альбины Васильевны конверт с деньгами и плетусь открывать. За аренду плачу только наличкой, потому что хозяйка как огня боится переводов на карту. Думает, через них налоговая вычислит её нетрудовые доходы, без суда и следствия поставит её к стенке и расстреляет.

Вот что ещё заметила, зарплату в ресторане я получаю дважды в месяц, а за квартиру плачу только один раз — седьмого числа. Но как ни парадоксально, седьмое число случается, по ощущениям, гораздо чаще, чем дни выплаты зарплат.

— Смотри-ка, как хорошо стало, — скрипит Альбина Васильевна, проходя внутрь квартиры с инспекцией.

Мой план всучить ей конверт и быстро выпроводить в очередной раз с треском провалился. Хотя зачем ей разуваться и проходить, я хоть убей, не пойму. Квартира крошечная, пятнадцать квадратов, и сразу всё видно от входа. Да и не квартира это даже, а бывшая колясочная на первом этаже. Как уж Альбине Васильевне общее имущество подъезда удалось оформить

в собственность — не знаю, но оформила. Дверь поставила, санузел организовала и сдаёт. Небольшая, а всё же прибавка к пенсии.

— Вы обратили внимание, я кухонные шкафы ошкурила и покрасила, ещё заменила все петли и ручки, — похвасталась я очередным улучшением.

— Ты хоть и девка, но рукастая. Хорошо получилось, — оценила Альбина Васильевна, не только осмотрев шкафы, но и ощупав. — Я тут давеча в магазин ходила, — она присела за стол. — Как на цены глянула, прям ахнула. Одурели они, что ли, окаянные? Растут и растут, конца и края не видно. Взяла хлеб, молоко, сахар — и столько деньжищ отдала — Альбина Васильевна достала блистер с валокордином и засунула таблетку под язык. — В общем, так. Этот месяц — будь по-твоему, плати сколько обычно. Но со следующего я плату поднимаю в два раза. Пожила на дармовщинку — и хватит.

— На дармовщинку?! — возмутилась я. — Да я вам плачу даже больше, чем оно того стоит! И вы не можете просто так поднять оплату. Мы как договаривались: я привожу квартиру в порядок за свой счёт, а вы мне оплату год не поднимаете. Я и обои переклеила, и потолок побелила, и хлама сколько выкинула, диван сама перетянула, линолеум новый постелила, розетки с выключателями заменила!

— Я тебя ни о чём не просила. Ты делала — ты и пользовалась.

— Но мы же договаривались! — напомнила я. — Вы вон на этой же табуретке сидели, когда обещали оплату не поднимать.

— Не обманывай, не было такого. Я хоть и старая, но из ума ещё не выжила, — Альбина Васильевна отвернулась от меня в сторону и недовольно фыркнула. — Не можешь платить больше — съезжай прямо сейчас. Мне, чтобы новых жильцов найти, надо только свистнуть.

Сейчас, наверное, да. Я же здесь всё в божеский вид привела, а до этого у неё квартира колом стояла, никто не хотел заселяться.

— Альбина Васильевна, мы же с вами всегда хорошо ладили, — мягко напомнила я, присаживаясь рядом на соседний табурет. — Может, я вас случайно обидела? Или соседи наговорили чего, вот вы и отказываетесь от своих слов?

— Ты, змеюка, пользовалась тем, что я пожилой человек и в ценах не разбираюсь. Хорошо, хоть внук приехал, глаза мне открыл. Как же он ругался, когда узнал, сколько ты платишь?! Мы с ним сюда пришли, всё осмотрели, и он сказал, его товарищ за жильё куда хуже отдаёт в три раза больше.

— Вы вы с внуком здесь были? В моё отсутствие? — я от возмущения подскочила.

— Ишь как глазищами засверкала! — завопила хозяйка, ударяя костяшками пальцев по столу. — Это моя квартира! Имею полное право заходить, когда захочу.

Смотрю на Альбину Васильевну и не узнаю. Она же такой душевной была, а теперь вылитая зловредная Баба-Яга. И так понимаю, именно сейчас она настоящая, а божьим одуванчиком лишь прикидывалась. Ждала, пока я за свой счёт и своими руками сделаю ей ремонт.

Если бы Альбина Васильевна была моложе, я бы ей задала жару. Она бы носилась по квартире как угорелая и вопила: «Спасите, помогите, с живого человека скальп снимают!»

Может, попробовать шантаж? Пригрозить, что съеду, но прежде сдеру обои, раздену диван В общем, верну квартиру прежнее состояние.

Чудесная идея. Я даже знаю, чем всё закончится. Примчится внук и вместе с пожитками вышвырнет меня из квартиры. И не факт, что через дверь. Возможно, придётся лететь на улицу через окно. Первый этаж — не разобьюсь, единственное, что пострадает — моя гордость.

— Хорошо, Альбина Васильевна, я вас поняла. Насчёт повышения мне нужно подумать, прикинуть, потяну — не потяну. Завтра позвоню и скажу, согласна или нет.

Да-да, позвоню и обязательно соглашусь. Только шиш ты от меня лишнее увидишь, съеду за пару дней до того, как наступит срок за следующий месяц платить.

Хозяйка, услышав, что теперь скорее всего будет иметь с аренды куда больше, аж как красна девица порозовела в щеках, заулыбалась и довольная укувыляла.

Я же первым делом, как только за ней захлопнулась дверь, метнулась к ящику с инструментами, достала канцелярский нож и где стояла, там и сунула его в стык обоев, с целью отодрать. Но застыла

Жалко. Я же их по ночам, жертвуя сном, клеила.

Ну отдеру я, проучу хозяйку, но мне-то от этого будет ни жарко ни холодно. Аренду вдвое больше не потяну. Осталась без жилья. Опять.

Обидно до слёз. Мне в этом деле вообще не везёт, крышу над головой ишу чуть ли не каждые три месяца, и каждый раз приходится платить риелтору. А потом начинается: то хозяйка решила квартиру продать, то сын женился — молодожёнам жить негде, то у людей развод, и они разъезжаются. Сколько раз договором трясла, напоминала, что заключили его на одиннадцать месяцев — все как один отвечали: «У нас форс-мажор». Я грозила судом, но это время, деньги, нервы и без гарантии выиграть. Проходила неделя-другая, я остывала И забивала.

Как же я мечтаю иметь свой угол. В любом, даже самом отдалённом районе. В доме дореволюционной постройки. Пусть будет совсем крохотным, лишь бы кровать, плита, холодильник и душ умещались. Надоело мне таскаться с баулом, не зная, где завтра придётся ночевать, и отдавать львиную долю зарплаты.

Прикинула, сколько примерно предлагал мне Шестаков. Нет, жильё на эти деньги не купишь. А если потребовать больше? Допустим, чтобы хватило на первоначальный взнос по ипотеке и на пару лет платежей для подстраховки. Если его сильно припекло, может и согласиться.

Продать душу за свой угол?

Ну, это я загнула. Всего лишь один раз забыть о совести.

Вот вечно я из-за своих принципов сижу в одном известном тёмном месте, а такие, как Альбина Васильевна мной с удовольствием пользуются. Ведьма благополучно отказалась от своих слов, ещё и правой себя считает. И она-то теперь будет иметь с квартиры больше, а я, если за месяц новое жильё не найду, поеду ночевать на вокзал. И кто из нас в итоге поступает умнее? Похоже, точно не я.

Схватила с тумбочки телефон и, пока не передумала, позвонила Шестакову.

— Да? — сонно промямлил он после долгих гудков.

Вот чёрт. Я и забыла, что сегодня выходной и несусветная рань.

— Игорь Сергеевич, это Алиса. Ваше предложение ещё в силе?

— М-м, кто-то, как я советовал, хорошо подумал и принял правильное решение? — уже бодрее усмехнулся он.

— Да, я согласна, но только если вы заплатите мне больше.

— Сколько?

Назвала сумму, и Шестаков тут же выплюнул:

— Девочка, а у тебя ничего не треснет от таких-то деньжищ? Я же тебя не на десять лет арендую, а на неделю. Ещё и перья тебе почищу, шмоток куплю и в премиальном месте отдохнёшь за мой счёт.

Его тирада сработала — мне сразу стало неловко. Но я дала себе мысленный подзатыльник и велела не быть тряпкой.

— Вы сделали мне предложение. Я сказала, сколько это будет стоить. Либо соглашаетесь, либо забываете о моём существовании. Третьего варианта, как и торга, нет.

Судя по тому, что я слышала ругательства в свой адрес — глухо и издалека, Шестаков, прежде чем меня обозвать, убрал телефон от лица или прикрыл ладонью микрофон.

— Ладно, согласен. Выбора у меня нет.

— Деньги вперёд, — выдвинула ещё одно условие, чтобы потом не хлопать глазами. Мне только что доходчиво объяснили, чего стоит устная договорённость.

— Чёрт с тобой. Приедем на место и сразу переведу.

С Шестаковым договорилась и первый час даже была довольна собой. Мне подвернулся шанс получить что-то не потом и кровью, и я его не упустила.

Но злость на Альбину Васильевну стихла, ещё вспомнила, что в мире на самом деле порядочных людей гораздо больше, на них, собственно, этот мир и держится, и я в своём решении усомнилась.

Потом позвонила сокурсница, спросила, не хочу ли я снимать с ней квартиру. Её подруга перебирается к парню, и она ищет новую напарницу по аренде. Если соглашусь, то переезжать нужно через месяц — как раз тогда, когда мне съезжать от Альбины Васильевны.

Это предложение меня и добило. Прямой намёк от вселенной: не надо переходить на тёмную сторону. И к вечеру я снова набрала Шестакова.

— Игорь Сергеевич, это опять Алиса. Ради бога, извините, но я передумала. Не смогу вам помочь.

— В смысле? — прорычал он.

— Я

— Ты лучше челюсть захлопни и слушай. Мы с тобой руки пожали. Я процесс начал. Кинешь меня — не рассчитаешься. Я на тебя все убытки повешу и сверху накидаю проценты.

— Игорь Сергеевич — попыталась возразить я, но он снова перебил и красочно, не подбирая выражений, объяснил, где, с кем и какими отверстиями я отработаю перед ним долг. А после спросил:

— Ну так что, сливаешься или ты моя дочь на неделю?

— Жду тебя завтра, папа. Как договаривались.

Глава 3

Глеб

— Поверить не могу, что Шестаков на полном серьёзе решил выдать за тебя свою дочку, — ржёт Вадим, как последний коняра, стуча по рулю.

— Прикинь, да? — хмыкаю я.

Тачка начинает вилять и берёт курс на кювет: этот горе-водитель, дохохотался до слёз и уже ни черта не видит перед собой. Я хватаю руль и выравниваю колёса.

— Ты давай за дорогой следи, — рычу я.

— Ой-й, — выдыхает Вадим, часто моргая. — Давно я так не смеялся, аж живот заболел. Думал, едем кататься, а, оказывается, я везу жениха на смотрины невесты.

— На хрена я тебе вообще рассказал? Теперь до самой базы буду слушать твои дебильные шутки, — огрызаюсь я и делаю музыку громче.

Но Вадик назло выкручивает звук обратно на минимум и продолжает стебаться:

— Глеб, какие шутки? Всё серьёзно! Мы ведь едем на базу, куда через два дня Шестаков притаранит дочь, чтобы стать твоим дорогим тестем.

— Обломится он. Если я и женюсь, то лет через пять-семь, и на той, кого выберу сам. А крокодилицу Шестакова я забракую.

— А на кой ты тогда вообще в это мутное мероприятие вписался, если даже мысли о свадьбе не допускаешь?

— Пока Шестаков варился в надежде, что я стану его зятем, мы с ним подписали три договора. И если раньше он за каждый пункт бодался до потери сознания, то эти подмахнул за секунду, почти не читая.

— Вот ты всё-таки продуман. А если крокодилица окажется не крокодилицей? Пряма понравится тебе? Я сам дочь Шестакова не видел, но слышал, как он ей хвалился: говорил мол, она у него умница да красавица. Правда, когда Шестаков ушёл, кто-то из мужиков добавил, что деваха и правда красивая, но та ещё гулящая шкура.

— Даже не сомневаюсь, — заявил я. — Завязывай уже трепаться на эту тему. Шестаков со своим аппендиксом приедут только через два дня. До этого даже слышать о них не хочу.

Алиса

— Всё, хватит с меня. Сил уже нет, — хриплю я и на трясущихся от усталости ногах медленно опускаюсь попой прямо в снег, а после заваливаюсь всем телом, раскидывая руки с палками и ноги с лыжами в стороны.

Как только мы приехали на базу, Игорь Сергеевич первым делом нанял для меня персонального тренера, чтобы научил кататься на лыжах. Потому что его дочурка, видите ли, имеет по ним какой-то спортивный разряд. Значит, и я должна соответствовать.

Шесть часов тренер со мной бился, но я не то что кататься — я даже стоять на лыжах уверенно не научилась. Впервые со мной такое: я искренне хочу освоить, стараюсь изо всех сил, но хоть убей — ничего не получается. На коньках я поехала с полтычка, плавать научилась с первого раза, а тут будто мне ещё до рождения поставили на лыжи непробиваемый блок. Закон подлости, не иначе.

— Снимите с меня, пожалуйста, это орудие пыток, — прошу я, скребя лыжами по снегу. — Сама я просто не смогу.

Тренер неодобрительно на меня смотрит, тяжело вздыхает, но присаживается на корточки и отстёгивает крепления.

Жизнь его, похоже, не готовила к настолько бездарной ученице. Переживает мужик. Что он теперь скажет Шестакову после того, как пяткой в грудь себя бил, уверяя, что он тренер от бога и чуть ли не за три занятия научит меня делать сальто в прыжке с трамплина?

А шесть часов — это шесть занятий, а до прыжка мне, как на карачках до соседней галактики.

Кое-как, на полусогнутых коленях и держась за поясницу, как дряхлая старушонка, доковыляла до номера, помылась, заказала пиццу — ну а что, новообретённый папаня разрешил не экономить, наелась от пуза и теперь валяюсь в кровати. Смотрю по телеку мультики. И не потому что хочу смотреть именно их, а потому что нет сил дотянуться до тумбочки, взять пульт и включить что-то другое.

— А ты это чего улеглась?! — с претензией поинтересовался Игорь Сергеевич, опять ворвавшись в мой номер без стука, воспользовавшись своим ключом. — Я сейчас с тренером разговаривал, он сказал, процесс обучения идёт туго.

— Он вам нагло наврал! — заявила я. — Процесс вообще не идёт, ни туго, ни не туго — никак. Нет у меня способности к лыжам.

— Вот у тебя всё время так, как чуть сложно, ты сразу сдалась и лапки сложила. А как насчёт взять себя в руки и постараться?! — рявкнул он.

Опять у Игоря Сергеевича из-за моего внешнего сходства с его дочкой, крыша начала подтекать и его понесло. В который раз разговаривает со мной так, будто я и правда его Лена. Когда он мне целый ворох дорогих вещей закупил, и мы выходили из магазина, упрекнул, что только на меня и горбатится, а я его заботу воспринимаю как должное и не ценю, даже спасибо не удосуживаюсь сказать. А ещё как-то раз бросил, что я пошла в мать, такая же вредная.

— У меня такое чувство, будто вы снова разговариваете не со мной, — фыркнула я. — Будьте добры, впредь направлять претензии по верному адресу. Позвоните уже дочери и отчитайте её, с какой такой радости, паразитка, заболела не по графику в самый неподходящий момент.

Забавно было наблюдать за растерянным Шестаковым, когда он осознал свой прокол, но папенька мигом собрался, и уже в следующую секунду вновь глазел на меня с недовольством.

— Завязывай мне «выкать». Не хватало ещё из-за такого глупого прокола вызвать у Нечаева подозрения. И давай, отдирай задницу от матраса, лыжи в зубы и бегом заниматься. Тренер, гад такой, уже уехал домой, но ты же помнишь, чему он учил?! Оттачивай навык самостоятельно.

Я шесть часов без продыху тренировалась, только раз двести упала, после от изнеможения из ванны до кровати, можно сказать, на пузе ползла, и опять надевать лыжи? Запустить бы в садюгу чем-нибудь тяжёлым с острыми углами.

— Вам кто эту идею подкинул? Дурные голоса в голове? Я под пиццу выдула почти литр сока и последние полчаса хочу в туалет, но не иду, терплю, вот до какой степени я устала.

Игорь Сергеевич сокрушённо покачал головой, доковылял до стула и тяжело на него опустился.

— Алиса — выдохнул он, но, вспомнив, что надо привыкать называть меня именем дочери, поправился. — Лена, Нечаев приезжает уже послезавтра. Нет времени отдыхать. Я перед ним козырял тем, что дочь профессионально стоит на лыжах. Он сам скачет по горам как полоумный, и это общее увлечение должно было стать толчком к их тьфу, к вашему сближению.

— Ну тогда тем более никуда не пойду — заявила я, поудобнее устраиваясь на подушке. — Если он профи, сразу выкупит новичка. — Смысл-то мучиться? Проще сказать, что я потянула связки или сухожилие, и врач запретил мне физическую нагрузку. Хорошо я придумала? Э-э, вы чего?!

Я только и успела взвизгнуть, когда Шестаков вскочил со стула, ринулся к кровати со свирепым лицом и больно схватил меня за лодыжку.

— Если у тебя травма, значит, ты как минимум должна хромать. Сейчас я тебе шаркающую походку и обеспечу. Только если перестараюсь и вместо растяжения организую перелом — не обессудь.

— Игорь Сергеевич Папа, не надо! Отдираю лыжи от матраса, попу в зубы — и бегу заниматься. Вернее, не так, но вы Ты понял!

— То-то же! — довольно пропел Шестаков, отходя от кровати и поправляя свитер, который задрался чуть ли не до подмышек.

На улицу вышла, когда уже смеркалось. Ещё полчаса и стемнеет. Не переставая бормотать под нос ругательства в адрес дорогого папаши, потопала до сооружения с инвентарём, взяла всё нужное, переоделась и потихоньку поскользилась до детских горок, где сегодня каталась с инструктором. Ага, каталась, только не на лыжах, а преимущественно на пятой точке.

Добравшись до места, обнаружила, что оно полностью опустело. А днём здесь из-за малышни негде было протолкнуться. Даже усомнилась, туда ли пришла. Огляделась. Да нет, всё правильно: красные колышки, лавочка и сосна.

Итак: колени согнула, лыжи поставила чуть шире плеч, слегка наклонилась вперёд, палки смотрят назад. Мысленно перекрестилась — и оттолкнулась. Примерно через четыре метра почти пологого спуска, не грохнувшись, я сама остановилась и возликовала.

Получилось! Ну надо же, с первого раза

Может, и вправду есть смысл кататься одной? Когда тренер постоянно не дёргает.

Вдохновилась и решила взять более сложную вершину. Страшно, конечно, зато азартно.

Перешла на другой склон, приняла стойку, ещё раз перекрестилась — лишним не будет — и оттолкнулась. Проехать-то проехала и даже не упала, но вот незадача: в конце горки не затормозила, покатила дальше, а там почти за ровным местом откуда-то взялся крутой спуск.

Разогналась. Руки с палками растопырила. В ушах свистит ветер. В лицо бьёт снег. Визжу и хочу лишь одного — завалиться. Но, как назло, не падаю. И несусь уже не вниз, а в сторону. И судя по тому, что края не видно, кажется, там обрыв!

То есть либо я сейчас принудительно упаду с риском переломаться, либо как обещал тренер Шестакову, сделаю то самое злополучное сальто — только смертельное, сорвавшись в ущелье.

Как мне удалось грохнуться — сама без понятия. Бедро ушибла, но, по крайней мере, я уже не качусь, а лежу на снегу.

— Ну ничего себе аттракцион, — выдаю я, трясаясь от истеричного смеха.

И тут замечаю боковым зрением — сверху, прямо на меня, на нереальной скорости летит лыжник и орёт благим матом:

— В сторону! Зашибу!

Глава 4

В отчаянии я вцепилась пальцами в снег, с силой оттолкнулась коленями и поползла вперёд, пока не услышала:

— Да не туда! В обратную сторону!

Выходило, я лишь усугубила положение, но исправлять было поздно: лыжник, летящий на меня, был уже слишком близко. Сработал инстинкт самосохранения — я вжала голову в плечи, обхватила её руками и сжалась в комок.

Всё. Мне хана.

Зажмурилась и с ужасом ждала удара, мысленно готовясь к увечьям или смерти. Но лыжник каким-то чудом успел вильнуть в сторону. Он пронёсся со свистом и скрежетом так близко, что я почувствовала, как ребро лыжи обожгло мне руку через перчатку.

— О боже, — простонала я, тяжело дыша.

Чтобы прийти в себя, зачерпнула горсть снега и растёрла по лицу.

— Ты хоть понимаешь, что чуть нас обоих не угробила?! — прогремел мужской голос, причём где-то недалеко.

Я слотнула и медленно, со страхом, подняла голову. Лыжник не продолжил спуск, а остановился в нескольких метрах. И, судя по всему, не для того, чтобы погладить меня по голове или спросить о самочувствии. Скорее, чтобы отчитать и, возможно, отвесить пару затрещин.

— Простите меня, пожалуйста, — жалобно пробормотала я, приподнявшись на руках. — Хотела скатиться с горки, но меня понесло не туда, потом увидела обрыв, испугалась, упала.

— Заметь я тебя позже хоть на секунду — и ошмётки от твоего тела уносили бы отсюда даже не на носилках, а тупо в ведре!

Мало того, что мужчина проигнорировал мои извинения, он ещё и начал подниматься ко мне в гору.

Не задавил, так придушит?!

— Я виновата! Мне очень жаль!

— «Жаль»! — выплюнул он, методично и ловко карабкаясь вверх. — Как ты вообще здесь оказалась? Я этот склон на двое суток арендовал!

— Но я же не знала! — попыталась оправдаться я. — Когда сюда пришла, мне никто ничего не сказал, объявлений не видела. Я вообще здесь кататься не собиралась, меня с детских горок унесло.

— Унесло? Почти на километр?! «Лягушатник» в другой стороне, — он махнул рукой на противоположный склон.

— Значит, перепутала. Я здесь впервые, — ответила я уже с вызовом. А чего он орёт и орёт? Да, начудила, но не специально же! — В третий раз прошу прощения. И перестаньте кричать. Я сейчас уйду с вашего спуска и больше близко к нему не подойду.

Мужчина, не дойдя до меня пары метров, вдруг остановился и смотрит на меня как-то странно. Ну, мне кажется, странно — глаз и половину лица из-за лыжной маски не видно. Он так агрессивно лез в гору, так что наверняка сейчас решает, каким способом меня сподручней прикончить.

— То есть вы заблудились? — спустя чуть ли не минуту спросил мужчина и совершенно другим голосом. — Испугались?

С чего это он вдруг сменил гнев на милость? Да ещё и так резко? Но таким он определённо мне нравится больше, теперь хоть не так сильно пугает.

— И это ещё мягко сказано, — отозвалась я, садясь и наклоняясь вперёд, чтобы ослабить крепления. Всё, хватит с меня. Накаталась.

— Мне кажется, я вас задел, — произнёс он, причём с нотой сожаления и даже вины, преодолел последние метры и, прямо в лыжах, присел рядом со мной на корточки. — Это так?

— Да, — кивнула я, разглядывая те черты лица, что не скрывала маска: чётко очерченные скулы, прямой нос, чувственные губы. Этого хватило, чтобы понять, меня чуть не сбил до неприличия красивый мужчина. Или правильнее сказать — парень. Думаю, ему где-то тридцать плюс-минус два года. — Край лыжи скользнул по руке. Но это ерунда, перчатка спасла.

— Вы не против, если я взгляну? — спросил он с лёгкой улыбкой, настолько обворожительной, что я даже не сразу сообразила, чего он хочет.

— Конечно, — кивнула я, снимая перчатку и протягивая ему ладонь.

Чтобы осмотреть руку, парень сдвинул маску наверх, зафиксировав её на шапке. И как только я заглянула в его глаза — в них растворилась. Мир сначала дрогнул и замер, а после закрутился вихрем. Сердце забилося сильнее, к щекам хлынула кровь, а в груди и животе будто что-то зашевелилось и сладко зануло. Никогда ещё не чувствовала себя настолько странно. Кажется, я ещё глупо улыбаюсь и слишком часто моргаю.

— Есть небольшой ожог, но в целом порядок, — заключил он и представился. — Я Глеб. А вас как зовут?

— Али а я Лена, — чуть не назвала настоящее имя, но вовремя опомнилась. Игорь Сергеевич, наверное, раз сто повторил, чтобы я и гостям, и персоналу представлялась исключительно как Елена. Публика здесь отдыхает практически одна и та же, многие друг с другом знакомы.

— Приятно познакомиться, — мужчина вновь улыбнулся той улыбкой, которая, похоже, способна выключать мой мозг. — Съедем вниз, поднимемся на подъёмнике, а после выпьем чего-нибудь согревающего в ресторане? У вас руки холодные, — он наклонился и обдал мои ладони горячим дыханием.

Я была готова вместе с ним не то что скатиться со склона, но и прыгнуть в жерло извергающегося вулкана. Спас голос разума, он вовремя меня толкнул в бок и строго сказал: «Сдурела? Убьёшься!»

— С радостью бы прокатилась, но детские горки — это пока мой предел, — с сожалением выдохнула я. — Так что лучше вернусь на базу пешком. А вам хорошего спуска. Без происшествий. И ещё раз простите.

Мне не хотелось уходить первой, поэтому не спеша снимала лыжи, потом тщательно отряхивалась от снега. Глеб тоже не торопился уезжать, долго поправлял маску, что-то настраивал в электронных часах, смотрел то на спуск, то на меня, и, наконец, выдал:

— Я с вами наверх. Начну спуск заново и заодно помогу вам подняться.

Честно старалась не расплыться в счастливой улыбке, но губы сами собой растянулись до ушей.

— Вам не тяжело? — спросила я, ведь Глеб нёс не только наши лыжи, он ещё и меня буксировал за руку в гору.

— Да нет, разве это нагрузка? — отозвался он, и судя по тому, что не запыхался, сказал правду.

— Для меня, да, — призналась я, но это было и так очевидно. Я хрипела, пыхла, а по спине текли уже даже не ручьи, а полноводные реки пота.

— Перейдём на «ты»? — предложил он.

— Давай.

— Ты здесь одна или с кем-то?

— С отцом. У него тут назначена деловая встреча, и он прихватил меня с собой отдохнуть, — солгала я. И впервые в жизни сделала это с удовольствием.

Потому что «отец», «деловая встреча» и «отдых» в одном предложении звучали крайне впечатляюще. А мне хотелось казаться в глазах Глеба лучше, чем я есть на самом деле. Насто-

ящая моя жизнь никого не впечатлит — разве что сочувствие вызовет. В двенадцать лет я осталась без родителей и переехала в деревню к бабушке под опеку. После школы поступила в университет, вернулась в город, где мне пришлось учиться и параллельно хвататься за любую работу, которая подворачивалась.

— А ты с кем приехал? — задала встречный вопрос и внутренне напряглась, грустно будет узнать, что он здесь с женой и детьми.

— С другом, — услышала я и выдохнула, а Глеб остановился, развернулся ко мне и заявил. — Я передумал сегодня кататься. Поужинаешь со мной?

Предложение Глеба вызвало противоречивые чувства. С одной стороны — неописуемый восторг. Я тоже ему понравилась! Иначе он не стал бы отказываться от планов и приглашать меня на свидание. С другой — хотелось с подвыванием реветь. Ничего у нас не выйдет. Шестаков не позволит. Узнает, что я ужинала с одним из гостей, ноги мне вырвет и в тёмное отверстие вставит. Да и знакомство, начавшееся с обмана, заранее обречено: я назвала не своё имя и соврала, что у меня есть отец-бизнесмен.

— Я не могу. У нас с отцом каждый день расписан по минутам. Он не поймёт, если начну что-то менять.

Глеб понимающе кивнул, но не сдался:

— Но до номера-то тебя проводить можно?

— Можно, — согласилась я, не найдя повода отказать. Да если честно, не особо усердно его и искала.

Пока мы шли до отеля, я чувствовала себя как в волшебном сне, а Глеб был прекрасным принцем. Мне было с ним невероятно легко. Мы болтали обо всём и ни о чём одновременно. Он остроумно шутил, я смеялась. А когда мы оказались у двери номера, мне нестерпимо захотелось наплевать на Шестакова, на его дочь, на его будущего зятя. В голове даже мелькнула мысль, прямо здесь и сейчас признаться Глебу во всём.

Но, конечно, я промолчала. Шестаков ясно дал понять, если раскрою рот и о его схеме узнает хоть одна живая душа — я с ним вовек не расплачусь.

Глеб

— Вот ты где! — выкрикнул Вадик, врываясь ко мне в номер. — Ты куда пропал?! Я как debil трясся на холоде полчаса, ждал тебя у подъёмника. Уже решил, что-то случилось, чуть кипиш на весь отель не поднял.

— Тише, — зашипел я, когда на мой звонок ответили, и попросил. — Передайте Артёму коридорному, чтобы срочно зашёл в 615 номер. Претензий нет, есть поручение.

— Так где ты шляется? — вновь поинтересовался Вадим, едва я убрал телефон.

— С девушкой познакомился, — пояснил я.

— А-а-а, вон оно что, — протянул Вадик, закатывая глаза. — И как я сам не догадался. — Он подошёл к мини-бару, достал бутылку воды, с лёгким хлопком открыл крышку и перед тем как сделать глоток, потребовал. — Жду подробностей.

— Перебьёшься.

— Вот оно как, — усмехнулся Вадим и заключил. — Если не рассказываешь, значит, девушка зацепила. Да, не повезло дочери Шестакова, проиграла ещё до того, как вступила в борьбу.

— Заходи, — крикнул я, когда в дверь постучали. В номере появился Артём — высокий щуплый парнишка, а ещё ушлый, сообразительный и удивительно беспринципный, если на горизонте маячит приличная сумма.

— Вызывали?

— Мне нужно знать полное имя девушки из 402, сколько дней она ещё пробудет, как зовут её отца и в какой номер он заселился.

— Прошу прощения, но политика отеля не позволяет одним гостям разглашать информацию о других, — отчеканил Артём. Но, зная шкета, могу точно сказать, он не отказал, а лишь пояснил, что это дорогостоящая услуга.

— У меня есть разрешающие документы, — хмыкнул я, отправляя в его нагрудный карман несколько крупных купюр.

Артём, ничуть не смущаясь, выудил их, пересчитал и оттарабанил:

— Дайте мне пять минут, и я всё узнаю.

— Глеб, я что-то не понял, — подал голос Вадим, когда коридорный вышел. — Ты это о какой девушке его отправил узнавать? О той, с кем познакомился?

— Да.

— А у неё почему не спросил?

— Спрашивал — не сказала, — прорычал я и добавил. — Даже номер телефона не дала. И главное — начало было обнадёживающим, а потом, когда я проводил её до номера, она меня отшила.

Вадик резко сел и удивлённо уставился на меня.

— Не может быть. Тебя — и отшили? Хочу на неё посмотреть. И пожать руку в знак уважения. Хотя может, это у неё такая тактика

Пока Вадим гадал, почему Лена дала заднюю, вернулся коридорный и зачитал с клочка бумаги:

— В 402 проживает Шестакова Елена Игоревна. Номер оплачивает её отец, Шестаков Игорь Сергеевич из 403. Заселились сегодня, останутся на неделю.

Вадим вскочил с кровати, хлопнул себя по коленям и заржал:

— Твою ж мать, вот это поворот! Тебя отшила твоя же невеста!

Глава 5

Я без понятия, что именно пошло не так в этот раз, но Лена снова сидит на попе посреди горки.

Покачал головой и беззвучно рассмеялся. Она явно из той породы девушек, которых называют «ходячая катастрофа».

За те полчаса, что я следил за её тренировкой из окна своего номера, она, по примерным подсчётам, грохнулась в десятый раз. До этого успела врезаться в какого-то мальчишку и едва не выбила инструктору палкой глаз — и всё, разумеется, нечаянно.

В прошлые разы она сразу вскакивала на ноги, а сейчас сидит и не торопится. К ней подходит тренер, пытается поднять, но она упирается и что-то эмоционально ему вещает. Полагая, жалуется, что лыжи — не для её. И, кстати, она права.

Тренер, в душе, конечно, с ней согласен, но, судя по всему, отвечает, что всё и сразу получается не у всех, опускать руки нельзя, надо упорно продолжать и стараться.

— Ты чего к окну прилип — хрен отдерёшь? — хмыкнул Вадим, подходя и становясь рядом плечом к плечу. — Что-то интересное показывают?

— Смотрю, как Лена катается. Вон она, в синем костюме, с тренером на детской горке.

— И давно смотришь? — покосился на меня Вадик.

— Прилично, — признался я.

— Значит, её фамилия тебя не остудила?

— А должна была? — сыронизировал я, хотя то, что Лена оказалась той самой дочерью Шестакова, сразу срезало мой интерес. И тем не менее, когда утром продрал глаза, первая мысль была о ней.

— Может, и женишься?! — усмехнулся Вадим.

— Я что, похож на идиота, который после часа общения тащит девушку в ЗАГС?

— Ну хоть так, — с некоторым облегчением выдохнул Вадим. — Я тут вот что подумал, а случайно ли вы пересеклись? Может, она специально тебя на том склоне подкараулила? Знаешь, одно дело, когда тебе указывают на девушку и говорят: «Бери, твоя», и совсем другое — когда ты сам якобы её нашёл. М?

— Подкараулила и улеглась на лыжню?! — глянул на Вадика как на кретина. — Я сам не понял, как её обрулил. Дело должно было закончиться либо её, либо моей, но, скорее всего, нашей госпитализацией с диагнозом «множественные переломы».

— Судя по её мастерству — Вадим кивнул на гору, где Елена сейчас неуклюже и по-своему мило пыталась распутать скрещённые лыжи, — допускаю, что на лыжню, как ты выразился, она улеглась случайно. Но остальное

— Нет, — уже прорычал я, раздражаясь. — Тебя там не было, ты не видел, как она себя вела. Сначала извинялась, лишь бы я поскорее укатил и оставил её в покое, а потом зарычала и засобиралась сама. В какой-то момент, правда, оттаяла, но от ужина отказалась и даже телефон не дала. Не находишь чудной способ поймать мужика на крючок?

— Не чудной, а продуманный, — упирался Вадим. — Вряд ли бы она тебя зацепила, флиртуя, строя глазки и на всё соглашаясь. Нет, она поступила хитрее — прокатила на эмоциональных качелях. И ведь сработало.

— Любишь ты теории заговоров, — я с силой хлопнул Вадика по плечу. — Щербakov сегодня в четыре зарезервировал столик. Я планирую к ним присоединиться. Пойдёшь со мной, сам посмотришь, как они — особенно Елена — отреагируют на моё появление. Потом выскажешь мнение.

Алиса

— Стейк, солянку, рулет из баклажанов и чайник крепкого чёрного чая, — почёсывая подбородок, не глядя на меню, а по памяти продиктовал Игорь Сергеевич официанту, чего желает на обед, и вопросительно посмотрел на меня.

— Цезарь и минеральную воду с газом, — заказала я.

— Ты её слышал? Скажи кухне, чтобы поторопились, — махнув рукой, Шестаков отослал официанта, достал сложенный вчетверо листок и сунул его мне. — Пока ждём, коротко расскажу о каждом члене моей семьи. Чтобы не мялась и отвечала чётко, если Нечаев вдруг о родне спросит.

На листке мелким неразборчивым почерком был написан список с именами, фамилиями, степенью родства и возрастом. Причём у некоторых стояла точная цифра, но у большинства, как, например, у Шестакова Антона Витальевича с пометкой «двоюродный брат», было написано «40–45 лет».

— Начнём с моей матери, то есть твоей бабушки. Она как раз первая в списке. Шестакова — Игорь Сергеевич замолчал, подался вперёд и напрягся.

— Что такое? — насторожилась я.

— Прячь список, — не разжимая губ, прошипел он.

— Зачем?

— Прячь список, сказал! — рыкнул он, но тихо и явно сдерживаясь. — Нечаев здесь и идёт к нам.

— Он же только завтра должен приехать, — напомнила я, чем, похоже, взбесила папашу.

— Должен, да не обязан. Дай сюда список, — он выхватил из моих рук листок и посмотрел на него так, будто готов зажевать, только бы понадежнее спрятать, но всего лишь смял, сунул в карман и начал давать указания. — Основное о Ленке ты знаешь, так что не суетись. Веди себя естественно. Помни, о договорной свадьбе ты не в курсе. И главное, обращаясь ко мне, называй папой. Удавлю, если проколешься. Чего побледнела?!

А как мне не побледнеть? Пока Шестаков рычал, заметила в ресторане своего вчерашнего знакомого Глеба. И меня посетила кошмарная мысль: неужели Глеб и есть тот самый Нечаев? Может, всё-таки нет и жених — это тот парень, который идёт рядом с ним. Ну не может же вселенная сыграть со мной настолько жестокую шутку.

— Двое мужчин только что прошли мимо вазона, — выпалила я. — Один из них и есть этот Нечаев?

— Да.

— Какой из них? Тот, что светлее? — уточнила я и мысленно взмолилась: «Ради всего святого, пусть я угадала!»

— Нет, это его закадычный друг. Нечаев — тот, что рядом.

Вот же... Да как так-то?!

Дальнейшие события происходили словно в тумане. Глеб и его друг подошли к нашему столику, обменялись с Шестаковым рукопожатием. «Папа» предложил парням к нам присоединиться, те согласились, тогда он развернулся ко мне и представил:

— Моя дочь Елена.

— Здравствуйте, — как пришибленная выдавила я из себя, после чего Глеб, игриво глядя на меня, заявил:

— А мы с Еленой друг друга знаем. Вчера познакомились.

— Где это вы успели? — прохрипел «папаня» дрожащим голосом. Он явно струхнул, ведь понимает, если я сейчас уточняла, кто именно из парней и есть Нечаев, значит, в момент знакомства знать не знала, кто передо мной, и могла сболтнуть лишнего.

Покосилась на Шестакова. Человек он, конечно, паршивого качества — мошенник и шантажист, но всё равно его жаль, переживаю. Морда-лица красная, ручонки трясутся, вид

такой, будто его сейчас шарахнет insult. Он ещё слегка привстал из кресла и застыл на полусогнутых.

Впрочем, сам виноват. Заставил меня вдоль и поперёк выучить биографию дочери, накарябал на целый лист список родственников, чтобы вызубрила, а фотографию Нечаева не показал, всё время называл его исключительно по фамилии и ни разу не удосужился произнести имя.

— Вечером на спуске, — объяснила я, давая понять своим спокойным ровным тоном, что переживать не о чем. Также положила руку на плечо Шестакова и надавила, чтобы прекратил висеть в воздухе, как посетитель общественного туалета, и, наконец, сел.

Заметив новых гостей, официант тут же оказался у нашего столика. Пока Глеб делал заказ и его внимание было приковано к меню или официанту, ещё раз как следует его рассмотрела. Уверенный, обаятельный и неприлично красивый, такой же, как вчера и даже лучше. Но сегодня при взгляде на него в душе больше не взрывались фейерверки. Теперь я знала, почему он резко перестал рычать на меня на горе и включил на полную мощность режим оболащивания: он подошёл ближе, разглядел и признал во мне дочь Шестакова. А я наивно решила, что понравилась ему. Да-да, увидел неземную красоту и обалдел, как же. Наверняка он заранее поинтересовался, как выглядит его невеста, если они, как утверждал Шестаков, уже предварительно договорились о свадьбе.

А я-то, глупая, его внимание, комплименты и улыбки принимала за чистую монету. Но нет. Всё это он делал только ради выгодного брака. Не представляю, какая тьма должна клубиться в душе и до какой степени нужно любить деньги, чтобы ради них жить с нелюбимой женщиной и рожать с ней детей. Тьфу, гадость какая. Никогда я этого не пойму.

Глеб вернул официанту меню, я отвела от него взгляд и тут заметила, что его приятель Вадим с любопытством и каким-то нездоровым азартом таращится на меня. Тот ещё тип. Он даже не подумал отвести глаза, когда мы встретились взглядом, нагло продолжал смотреть и ещё улыбался. Он, кстати, тоже красавчик, и, судя по дорогим часам и манере держаться, далеко не бедный человек. То есть такое же развращённое деньгами существо, как Нечаев и Шестаков.

Да весь этот элитный отель кишит такими людьми, куда ни плюнь — попадёшь в гниль. Ого, что-то меня круто не в ту сторону понесло. Нельзя так. Если один человек разочаровал, не стоит из-за этого на всех подряд вешать необоснованные ярлыки.

На протяжении всего обеда Нечаев оказывал мне недвусмысленные знаки внимания, открыто демонстрируя интерес. Шестаков от этого был в полном экстазе, только что не постанывал от удовольствия. Я реагировала ровно: вежливо отвечала, иногда улыбалась. Но внутри раздражалась и представляла, как разбиваю о его лицемерную голову тарелку за тарелкой. Ведь если бы на моём месте была другая — хоть уродливая кикимора с язвами, он бы и ей пел свои неискренние песни и расточал комплименты.

Шестаков носится по номеру из угла в угол, как в нервном припадке, и всё никак уговориться не может. Надоел. Когда он своё мягкое место прижмёт? Меня от его беготни туда-сюда уже укачало.

— То, что Нечаев убедился, лыжница из тебя никудышная, с какой стороны ни посмотри, плохо. Я же ему совсем другое вещал! Теперь моё слово сильно упало в цене. Да и Ленка моя зачехлится, если ей придётся неумеху с палками изображать.

— Ну, это вообще не проблема, — не согласилась я, укладывая голову на спинку кресла. — Вы же дочь якобы на стажировку хотите отправить. Отправьте туда, где есть возможность научиться кататься.

— Неплохая идея, — заметил Игорь Сергеевич, притормозив и подняв вверх палец, но после опять поскакал. Интересно, у него, у самого от нарезания кругов голова-то не кружится? — Но в этой ситуации есть и жирнющий плюс, Нечаев на тебя запал, как последняя псина. Ну

то есть не на тебя, а на Ленку, — бросил он с претензией, будто это были не его слова, а мои. — Кстати, ты верную тактику выбрала, такая воспитанница пансиона благородных девиц и Снежная королева в одном лице. Бабы перед ним обычно стелются, а тут что-то новенькое. Надо будет потом и Ленку мою подучить так же себя вести. Но в то же время сильно по носу его не щёлкай. Кое-что, разумеется, не постель, позволить можно. И даже нужно.

— Я ему разрешу разве что кончиками пальцев коснуться края моей одежды, — заявила я на полном серьёзе, чтоб сразу всё прояснить. — А всё остальное пусть ему позволяет настоящая невеста — ваша Елена.

Шестаков остановился, посмотрел на меня и скривился.

— За те деньги, что я тебе плачу, у тебя нет права голоса. Что скажу, то и сделаешь.

— Нет, — покачала я головой. — Не было такого уговора. Я согласилась только изобразить вашу Елену. Не больше и не меньше. Но я помогу выдать вашу дочь за Нечаева. Даже не сомневайтесь.

Ещё как помогу. Очень постараюсь. Потому что вы с Глебом друг друга стоите, и вам просто необходимо породниться. Это и станет вашим общим на двоих наказанием.

Глеб

— Ну что, брат, я был не прав. Признаю, — тянет Вадик, пересаживаясь на освободившийся стул Шестакова, чтобы мы сидели напротив. — И папик, и дочурка были в полном ахере, когда нас увидели. Значит, знакомство они не подстраивали.

— А я тебе говорил, — хмыкнул я. — Надо было на деньги спорить.

— Слушай, а эта твоя Ленка и правда ничего такая. Мне прям сильно зашла. Теперь понятно, чего это ты вчера во все стороны кипятком брызгал. Короче, если у вас со свадьбой не срастётся, я тоже замучу с Шестаковым какой-нибудь крупный контракт. Глядишь, он и мне свою симпатичную Елену предложит.

Знаю, Вадик болтает, лишь бы меня зацепить, но я всё равно подаюсь вперёд, готовый зарядить этому чепушيله в грудку, чтобы вместе с креслом перевернулся.

— Э-э-э, тихо-тихо, — Вадик выставил руки, верно считав мои намерения. — Чего набылся? Пошутил я. Неудачно, но пошутил.

Я откинулся обратно на спинку кресла. Вадик тут же продолжил трепаться:

— Зато твоя красавица в курсе, что её папик спит и видит сделать тебя зятем. И, похоже, её такой расклад не устраивает. Она на тебя с такой претензией смотрела, будто у вас свадьба уже была, прожили вместе пять лет, а вчера она из вашей супружеской постели твою любовницу за лохмы выволокла.

— Это когда я у официанта заказывал, — уточняю момент и смеюсь. — Да-да, я тоже заметил её взгляд кобры.

— Видно, рожей ты для её мужа не вышел.

— Не во мне дело, — мотаю я головой. — Вчера она на меня по-другому смотрела. Ей сам факт договорного брака поперёк горла.

Вадим тоскливо голодными глазами посмотрел на дверь кухни, откуда приносят заказы, погладил живот и запустил руку в тарелку с почти нетронутым салатом Елены, выудил сухарик и, закинув в рот, с ехидной насмешкой напомнил:

— Она же вчера тебя отшила.

— Отшила. Когда вспомнила, для чего её сюда привёз отец — знакомиться с женихом. А вчера я им для неё не был.

— Ты уже трактуешь её поступки не как есть, а как тебе хочется. Ну-ну, — озадаченно выдохнул Вадик. — У меня такое чувство, будто у Шестакова всё срастётся, и ты правда женишься.

— Может, и женюсь.

Глава 6

Сегодня вечером отель собирал всех постояльцев в ресторане. Сначала обещали фуршет с лёгкими закусками и напитками, затем полноценный ужин и развлекательная программа. Мероприятие посвящалось ежегодному чемпионату то ли по скоростному, то ли ещё какому-то бегу на лыжах, который впервые провели аж в прошлом тысячелетии. В общем, лично я думаю так: людям просто хотелось устроить тусу. А, как говорится, было бы желание — повод найдётся.

Уже по сложившейся традиции Шестаков ввалился в мой номер, используя свой ключ, и даже, гад такой, не потрудился предупредить стуком — на тот случай, если я вдруг не одета. И как только «папаня» увидел меня, у него сразу перекосило лицо.

Спасибо ему, конечно, большое. Ведь именно такую недовольную физиономию я и рассчитывала увидеть у мужчины после того, как два часа укладывалась, красилась, наряжалась

— Алиса, тьфу ты, Лена, что-то я не припоминаю, как говорил, что сегодня ты отработашь ночную смену в эскорте. Я чётко сказал: мы идём на солидное мероприятие. В связи с этим возникает вопрос: на кой ты нацепила это шлюшандрское платье? У тебя же из него вся витрина наружу вываливается.

Я опустила голову, посмотрела на грудь и не согласилась:

— Не преувеличиваете, не вся — лишь половина. Вы сказали, подойдёт коктейльное платье, вот я и надела — чёрное, до колен, сдержанное

На слове «сдержанное» Игорь Сергеевич раздражённо сплюнул. Не фигурально.

— Я покупал тебе коктейльное платье. Где оно?! — Шестаков уверенно двинулся к шкафу.

— На мне, — сказала я, показывая на себя.

Игорь Сергеевич замер, развернулся и уставился на меня с недоверием.

— Не может быть. Я сам его выбирал, оно выглядело прилично.

— На вешалке, — усмехнулась я, ещё раз глянула в зеркало, подошла к «отцу» и взяла его под руку. — Приличное не приличное, но всё равно пойду в нём. Сами знаете: другого маленького чёрного платья у меня нет.

Очень надеюсь, что лифт отеля не оборудован камерами. Потому что, если кто посмотрит запись того, как мы с «папой» спускались в ресторан — помрёт со смеху. Шестаков пристально глядел-глядел на мою грудь, а потом между третьим и вторым этажами вдруг схватился за вырез и, под мои возмущённые вопли, дотянул его почти до подбородка, ворча, что не позволит мне позорить его дочь. Но, к моему удовольствию и неудовольствию Игоря Сергеевича, через пару минут вырез вернулся в исходное положение.

— Ладно, жди здесь, а я поищу Нечаева, — выдохнул «папаша», внимательно осматривая толпу в ресторане.

— Зачем искать? Если нужно, он сам подойдёт, — заметила я, слегка двигая плечами и бёдрами в такт музыке.

— Смотри, не пей, — наказал Шестаков перед тем, как уйти. И как только его спина скрылась за спинами других гостей, я первым делом стащила бокал с подноса проходящего официанта. И не только из вредности, чтобы сделать в точности наоборот. Меня нервировала предстоящая встреча с Глебом, и я надеялась, что пузырьки помогут.

— Танцуешь ты несравнимо лучше, чем стоишь на лыжах, — прозвучал мужской шёпот прямо у уха.

— Твою же мать! — вырвалось у меня. Конечно, я испугалась и вздрогнула. — Глеб, обязательно было подкрадываться? Я чуть не облилась из-за тебя.

— Нет, ты облилась. Вот здесь, пара капель, — сказал Нечаев и провёл ладонью по моей груди, как будто вытирая эти самые капли, в существование которых я очень сомневаюсь.

И что там Шестаков говорил о мероприятии? «Приличное»? А вот и ни черта. Меня, можно сказать, прямо у входа облапали. И то, что это было сделано под благовидным предлогом, сути дела вообще не меняет.

Я повернулась к Нечаеву лицом. Улыбается. Нашкодил — и этим гордится.

— Почему я перестал тебе нравиться? — спрашивает Глеб уже без тени прежней улыбки.

Я бы многое отдала, чтобы это было правдой. Но увы и ах — он ошибается. Я на него зла. И разочарована. Однако смотрю в его нахальные, самоуверенные, хитрющие глаза, и у меня, как вчера, перехватывает дыхание. А в груди что-то, или кто-то, скулит и скребётся.

— Перестал? — переспрашиваю с иронией, прозрачно намекая: он мне и не начинал нравиться.

— Перестал, — выдыхает он. В этом выдохе слышится: «даже не отрицай».

Небрежно пожимаю плечами — мол, понятия не имею, о чём ты толкуешь.

— Поговорим откровенно, — предлагает он.

— Давай попробуем.

— Ты в курсе, какие у твоего отца на наш счёт планы?

Шестаков чуть ли не под страхом смерти велел мне ни в коем случае не признаваться, что я знаю об их уговоре. Требовал, чтобы до последнего изображала из себя святую невинность и, когда Глеб начнёт ухаживать, притворялась, что медленно, но верно влюбляюсь.

— В курсе, — говорю я правду, рискуя навлечь на себя гнев «псевдопапаши». Условную правду, конечно. О настоящей не может быть и речи, ведь я притворяюсь другим человеком.

— Отдельное спасибо за честность. Значит, я в тебе не ошибся. Начни ты отпираться, я бы взгрустнул. Терпеть не могу тех, кто врёт в глаза.

— Серьёзно — тяну я, а в голове уже созрел план разоблачения. Делаю крохотный шаг вперёд. Смахиваю с его плеча несуществующую пылинку и пристально заглядываю ему в глаза. — Я облилась или ты выдумал те капли? — спрашиваю медленно, с расстановкой.

Он молчит секунду. А потом запрокидывает голову и заливисто, по-мальчишески хохочет:

— Выдумал.

— Ай-яй-яй, Глеб Владимирович, — сокрушённо качаю я головой. — Тебе же уже давно не четырнадцать, как-никак стукнул тридцать один годик. Не стыдно прибегать к уловкам, лишь бы подержаться за женскую грудь?

— Мне тридцать два, — педантично уточняет Нечаев. — И я не грудь хотел потрогать. Хотя нет, хотел, не спорю. Но в первую очередь я проверял, забилося ли твоё сердце быстрее, когда подошёл.

— И?

— И забилося сильнее. Я чувствовал.

— Потому что ты меня напугал, — оправдываюсь я громче и с большим возмущением, чем следовало. — Испугай ты любого из гостей — эффект был бы тот же. Вон, подкрадись со спины к тому лысому бугаю, — я стреляю глазами в бритоголового мужика с комплекцией пятиэтажки. — Крикни ему в ухо «Бу», проверь сердцебиение и выяснишь, что он тоже к тебе равнодушен.

— Боюсь, что в этом эксперименте я выясню только одно: сколько стоят вставные зубы и как долго срастаются рёбра, — смеётся Нечаев. — Это не просто мужик, а профессиональный борец-тяжеловес. Ты в него случайно ткнула пальцем или настолько замуж не хочешь?

— А ты, стало быть, хочешь жениться? — отвечаю вопросом на вопрос.

— Пока с тобой не познакомился, не хотел. Даже не рассматривал такой вариант. Теперь не столь категоричен, — Глеб кладёт руку мне на поясницу и легонько тянет к себе.

— Утверждаешь, что не любишь лживых людей, — говорю я с улыбкой, но и одновременно с упреком. — А сам так сладко свистишь. Твои показания не бьются с фактами. Если ты и не планировал жениться, на кой тогда приехал знакомиться с невестой?

Вопрос Нечаева не смутил. Полагаю, он его ждал и, небось, заранее подготовился. Он открывает рот, чтобы рассказать мне басню собственного сочинения, но его опережают.

— Вот ты где! А я тебя ищу, — по плечу Глеба хлопает его приятель Вадим.

— Зачем, я вроде как не терялся, — сквозь зубы рычит Нечаев, явно недовольный, что нам помешали.

Вадим игнорирует друга и переключает внимание на меня.

— Шикарное платье. Вас бы на обложку журнала, — он оглядывает меня с ног до головы. — Впрочем, такой девушке, как вы, всё идёт. Даже лыжный костюм.

— Вы видели меня в лыжном костюме? — удивляюсь я.

— Видел. Мы с Глебом утром наблюдали, как вы катаетесь.

— Вернее, как я падаю, — поправляю его я.

— Можно и так сказать, — парень смеётся.

— Вадик, — рычит Нечаев, сверкая глазами. — Тебе никуда не надо?

Взгляд Глеба обещает приятелю долгую и мучительную смерть, если тот не оставит нас в покое. И на меня его раздражение действует словно живительный бальзам, вот прямо становится хорошо. Хотел мне тут в уши надуть, про большую любовь с первого взгляда. Беру Вадима под руку, чтобы точно не сбежал, и, хлопая невинно глазами, интересуюсь:

— А вы сами катаетесь хорошо?

— Неплохо.

— Может, согласитесь дать мне пару уроков? А то вдруг я не кривоногая, а просто тренер не мой?

Повисает пауза. Глеб сверлит Вадима взглядом, Вадим смотрит на меня — в его глазах опаска борется с желанием согласиться. Узнать, кто бы победил, не удаётся. Откуда ни возьмись появляется «псевдопапаша» и бесцеремонно отдирает меня от Вадима.

— Елена, ты нужна мне на минуту, — поясняет он мне и миролюбиво обещает Глебу. — Мы сейчас вернёмся.

— Сдурела! К кому жмёшься?! — рычит Шестаков, почти не разжимая зубов, чтобы никто не услышал.

— Ничего я не сдурела! — отрезаю я. — Всего лишь добавила полезный соревновательный момент. У мальчиков так: если одному нужна машинка — она сразу становится нужна и другому. Они из кожи вон лезут и горы сворачивают, лишь бы её получить. Для вас, между прочим, стараюсь. А вы только знаете, что на меня рычать.

Ну а что я ещё могла сказать? Если обо всём на свете забыла из-за этого Глеба и полностью выпала из роли.

Шестаков напряжён. Я прямо вижу, как у него в голове крутятся шестерёнки. Через несколько секунд морщины на его лбу, насколько это возможно, разглаживаются. Кажется, пронесло. Папаня проглотил первую пришедшую мне на ум отговорку, приняв её за разумный стратегический план.

— Ладно, но особо не увлекайся, — всё равно ворчит он. — Подразнила Нечаева и хорош. И лицо сделай попроще, а то здесь ещё не каждая собака поняла, что мы грызёмся.

Сказано — сделано. Расплываюсь в милой улыбке.

— Пойдём, Глеб ждёт, — бросает Шестаков и подталкивает меня в нужную сторону.

Нечаев не просто ждёт — он ждёт в гордом одиночестве. Отпинал-таки приятеля куда подальше.

Папаня с женихом зацепились языками на деловую тему. Я стою рядом, помалкиваю, и сама себе напоминаю декоративный предмет интерьера. В их разговор не лезу, потому что

ничего не понимаю, хоть я и без пяти минут дипломированный экономист. Видно, они такими делами ворочают, о которых в вузах не рассказывают. И всё было более-менее нормально, пока не послышалось:

— Игорёк, ты?

После этого обращения Шестаков сконфуженно вытаращил глаза. Видимо, его окликнул не просто знакомый, а тот, кто встречал его дочь. Иначе с чего бы ему подгибать колени и становиться ниже на целую голову?

— Виктор! — взяв наконец себя в руки, он изобразил на лице невероятную радость, обернулся и с размаху вlepил свою ладонь в ладонь мужика примерно его возраста. Чем-то они даже похожи чертами. Ставлю на то, что родственники. — Ты здесь какими судьбами?

— Да заскочил на выходные, завтра с утра уже уезжаю, — отвечает мужик и тут замечает меня. — Леночка? — он пристально вглядывается.

Ищу поддержки у Шестакова, хотя бы моральной. Но он на меня даже не смотрит и выглядит так, будто сейчас поседеет. Слабонервный мне достался поделник.

— Рада видеть, — тяну я с максимально счастливой улыбкой. Обращение «вас» или «тебя» намеренно опускаю. Чёрт его знает, как Елена к нему обращалась.

— Я тебя не сразу и узнал. Причёску сменила или немного поправились? — этот Виктор треплет меня за щёку. Из чего следует, что он не просто знаком с дочерью Шестакова, он знает её с детства.

— И то и другое, — снова уклончиво отвечаю я, беру «папашу» под руку и незаметно щипаю его за бок: мол, давай, активируйся уже, не стой столбом. Помогай, а то спалимся.

Слава богу, Шестаков берёт инициативу на себя и начинает знакомить родственника с Глебом. Пока те жмут руки, перекидываясь дежурными фразами, я шепчу папаше:

— Мне надо топтать в номер. Срочно. Пока этот ваш Виктор нас не раскусил и не сдал.

— И что скажем? — соглашаясь, кивает Шестаков.

— Да что угодно. Плохо себя чувствую.

Шестаков дожидается момента, когда Виктор с Нечаявым возвращают внимание к нам, с опечаленным лицом гладит меня по плечу и говорит:

— Конечно, иди отдыхай. Отправить в твой номер врача?

— Не надо, если станет хуже, сама вызову, — отвечаю я голосом тяжелобольного человека.

— Что такое? — тут же интересуется Глеб, делая шаг вперёд.

— Лена себя плохо чувствует, — поясняет папаня. — Наверное, отравилась. Съела что-то не то.

Да бли-и-ин!

Вот на фиг было приплетать отравление! Нельзя было сказать — голова заболела. Теперь Нечаяв думает, что у меня крутит живот со всеми вытекающими последствиями. Вытекающими в прямом смысле.

— Да нестрашно, меня просто подташнивает, — пытаюсь выправить ситуацию я.

Тошнота и её последствия хуже головной боли, но всяко лучше диареи.

— Да пофиг вообще, — выплёвываю я, уже поднимаясь в лифте, и тем самым убеждаю себя, мне всё равно, что сейчас думает обо мне Глеб. — Пофиг, пофиг.

Зайдя в номер, раздражённо дёргаю поочерёдно ногами, и когда туфли сползают с носков, пуляю их в угол. Мало того что Шестаков оконфузил меня по максимуму, так ещё и не поела.

Звоню в обслуживание номеров и заказываю большую пиццу, чтобы не ложиться спать голодной и заесть стресс. Пока жду, переодеваюсь в халат, забираюсь в кровать и включаю первый попавшийся фильм, судя по названию и картинке — ужастик.

Через полчаса в дверь постучали.

— Наконец-то, — ворчу я, спуская ноги на пол, беру с тумбочки заранее приготовленные две купюры скромного номинала и плетусь открывать. — Добрый вечер, — пропускаю в номер парня с тележкой и вздыхаю, разглядывая его со спины.

С его комплекцией и ростом надо работать тренером в качалке или валить деревья без инструмента. Даже формы по размеру для него не нашлось: натянулась везде, особенно в плечах, и такое чувство — вот-вот треснет. А ещё он, похоже, стесняется своей работы, мало того что голову чуть ли не до груди опустил, так ещё и на половину лица натянул кепку.

— Спасибо, — говорю я и кладу на тележку чаевые. Пусть не так много, но зато наличкой.

— Ну ты и жмотяра, — тянет он, и я от его наглости глотаю воздух, а потом глотаю ещё, потому что узнаю голос.

Это не работник отеля. Это Нечаев.

Глава 7

— Да у меня просто не было больше налички, — зачем-то оправдываюсь я, едва ко мне возвращается способность говорить, словно размер чаевых — это сейчас главная и единственная проблема.

— А о переводах с карты на карту ты разве не слышала? — напирает Глеб, но здесь я сама виновата, он не вышел из образа с моей же подачи.

Тряхнула головой, будто промокшая собачонка, только что выбравшаяся из лужи, пытаюсь прогнать мысли о злополучных чаевых.

— Ты что тут делаешь? — строго спрашиваю я.

— Как что? Ты же пиццу заказала. Вот, принёс, — улыбаясь, отвечает Нечаев, приоткрывает крышку на плоской тарелке и шумно вдыхает запах. — Свежая. Горячая. Три минуты назад испеклась. Спасибо мне, на кухне хотели уже готовую разогреть.

— Глеб! — стучу тапкам об пол, чтобы он прекратил выносить мне мозг.

Нечаев невозмутимо подкатывает тележку к кровати, садится, снимает крышку с пиццы, берёт кусок и сразу откусывает половину.

— У меня в отеле есть прикормленный паренёк. Всё слышит, всё знает, если нужно, в любое время суток хоть чёрта достанет, — говорит он и одновременно с таким аппетитом жуёт, что мне приходится слюну сглатывать. — Я его попросил приглядывать за тобой, чтобы знать, где ты и что делаешь. И представь моё удивление, когда он позвонил и сказал, что ты, страдающая от отравления, заказала в номер их самую большую фирменную пиццу. Я бы ещё понял, если бы это был крепкий чай, минералка, ну на худой конец — бульон, но пицца Пицца буквально кричит, что вы, девушка, симулянтка. — всё это Глеб говорит легко, с ноткой иронии, но следующий вопрос задаёт уже с серьёзным лицом. — Ты ушла с вечера, лишь бы не проводить его в моей компании?

— Ну-у, — глядя в пол, неопределённо тяну я, но Нечаев воспринимает это как однозначное «да».

— Понятно, — резюмирует он. — А узнать-то можно, в чём собственно проблема? Если дело в свадьбе, то будь уверена, силком к алтарю я тебя точно не потащу.

Мне бы ответить от имени дочери Шестакова, сказать, что он всё неправильно понял, и с вечера я ушла по какой-то другой причине. Но не могу. Меня прямо распирает, как хочется высказаться от себя.

— Да меня всю переворачивает и от твоих взглядов, и от интереса, и от внимания, и оттого, что ты мне говоришь. Потому что это всё неискренне! Ты притворяешься. Самим собой ты был со мной от силы минут десять, пока отчитывал на горе. А потом подошёл, разглядел, понял, кто я — и началась свистопляска. Сделал вид, будто я резко и до зуда тебе понравилась. И катание отменил, и на ужин пригласил, и даже мой отказ тебя не остудил — попёрся меня провожать. Я-то, наивная, принимала всё за чистую монету, а ты Теперь мне обидно. Чувствую себя идиоткой. Если бы ты не притворялся, представился и сказал всё как есть, возможно, у нас и был бы шанс найти общий язык. А так

— Стоп-стоп, — запротестовал Нечаев, не дав мне договорить. — Твой рассказ уходит в левую сторону сразу после слова «пригляделся». По твоей версии, я тебя узнал, а это ни хера не так. Рассказываю, как было на самом деле. Какая-то тупоголовая бабёнка разлеглась на спуске, чуть и меня, и себя не покалечила. Конечно, я ругался — этот случай мог вообще кончиться не добром. А потом, когда подошёл, разглядел Ты мне понравилась. И я понятия не имел, кто ты такая. Первым делом, вернувшись в свой номер, вызвал того самого паренька, чтобы он выяснил, кто у них в 402-м проживает и с кем. Не представляешь, как я охренел, когда

узнал, что ты, и есть та самая дочь Шестакова. Так что твоя претензия насчёт притворства не по адресу.

— От твоей истории брехнёй так и несёт, — выплёвывая я. — Ни в жизнь не поверю, что ты не посмотрел на фотографию девушки, на которой тебе предложили жениться.

— Представь себе, не посмотрел, — с убийственным спокойствием заявляет Глеб. — Знаешь почему? Было неинтересно. Жениться я не собирался. Идею твоего отца воспринял как полный бред. Свадьба, конечно, приносила определённую пользу, но не настолько весомую, чтобы я связал себя браком чёрт знает с кем.

— А сейчас ты тоже считаешь свадьбу бредом? — интересуюсь я.

Лицо Нечаева после моего вопроса стало таким, будто у него начался острый приступ изжоги.

— Это сложный вопрос, — тянет он, пытаюсь уйти от ответа.

— С чего вдруг?! — фыркаю я. — Просто скажи «да» или «нет».

— Конечно, это бред, — нехотя признаётся он и настороженно поглядывает на меня, видимо, проверяет, обиделась или нет.

Знал бы он, как у меня на душе отлегло! Если свадебный финт Шестакова изначально провальный, значит, я участвую в афере без серьёзных последствий. Какое-никакое, а успокоение совести. Да и, чего греха таить, я совсем не хочу, чтобы он на ком-то женился.

— Ясно, — принимаю ответ и на радостях тоже беру кусок пиццы. — Тогда возвращаюсь к своему первому вопросу, чего припёрся? Форму ещё чью-то свистнул. Она на тебе, бедная, аж трещит. Вангую, порванную вернёшь.

— А ты не особо расстроилась, — замечает Нечаев, и я готова поклясться, в его голосе послышалось нечто похожее на обиду.

— А с чего мне расстраиваться? — беззаботно хмыкаю я, жмурясь от удовольствия — пицца и правда горячая, только из печи, невероятно вкусная. — Ты откажешься, и папаня, раз уж такая канитель началась, быстро найдёт мне другого жениха. Посговорчивей.

Нечаев резко вскидывает на меня взгляд и, кажется, делает слишком глубокий вдох, потому что одна из пуговиц на его форме с глухим стуком отскакивает от груди и падает на пол.

— Значит, другого жениха подождёшь? — зло цедит он, поднимает пуговицу и с трудом пропихивает её в плотно прижатый к бёдрам карман.

— А что мне остаётся? Ты же не хочешь на мне жениться, — смеюсь и подмигиваю ему, давая понять, что всего лишь шутила.

— Я не говорил, что не хочу на тебе жениться, — уточняет он, поднимаясь с кровати. Мне из-за разницы в росте приходится задирать подбородок, чтобы по-прежнему смотреть ему в глаза. — Я сказал, что считаю бредом заключать брак только ради контракта. Это разные вещи. Одевайся и потеплее, прогуляемся до одного секретного места.

— Как ты ещё не добавил «и побыстрее»? — возмутилась я. Хотя бы ради приличия мог озвучить предложение в виде вопроса.

— И побыстрее, — тянет он, берёт меня за плечи, разворачивает к шкафу и слегка подталкивает. — Если погода испортится, идти уже смысла не будет.

Достаю вещи и вижу в отражении зеркала, как Глеб расстёгивает оставшиеся целые пуговицы на рубашке, обнажая мощную грудь и подтянутый живот. Живописное зрелище. Вживую такого красивого мужского тела ещё ни разу не видела.

Чем дальше, тем интереснее. Вернее, волнительнее. Застыв с вешалками в руках, слежу за тем, как он расстёгивает ширинку и, взявшись за пояс, стягивает брюки вниз. Глотаю слюну. Обычно я залипаю только на плечах, руках, торсе — в общем, на том, что сверху. Но тут такая шикарная нижняя часть, что так и тянет облизнуться.

Нечаев наклоняется, открывает ящик тележки, достаёт одежду, включая верхнюю, и игриво говорит:

— Мне тоже можно будет полюбоваться, как ты переодеваешься?

— А-а?! — вздрагиваю я, ведь была в полной уверенности, что он не замечает, как на него пялюсь. — Ещё чего. И не лъсти себе, — бросаю, гордо шагая мимо него в сторону ванной. — Я не любовалась, а контролировала, чтобы ты и трусы с себя не снял.

— Да-да, — посмеивается Глеб мне вслед. — Так, тщательно контролировала, что аж забывала дышать.

Секретное место, оказалось куда дальше, чем бы хотелось. Мы топали до него добрых двадцать минут и всё в гору. По дороге из нас двоих если и говорил, то исключительно Глеб, я же только пыхтела как паровоз, у меня не хватало дыхалки, чтобы так долго, да ещё и по снегу вскарабкаться вверх. Если бы Нечаев не буксировал меня за руку, сама бы ни в жизнь не дошла.

Зато у меня было время подумать над его словами, что он не знал, кто я, когда предлагал вместе поужинать. Верю ли я ему? А чёрт его знает. Хочу, конечно, но боюсь принять желаемое за действительное. Да и, по большому счёту, врёт он или нет — не так важно. Наше знакомство с Глебом не закончится счастливым финалом. Он с самого начала был исключён. В лучшем случае он откажется от брака, и мы больше никогда не увидимся. Но есть и более печальный вариант, Шестаков всё-таки уговорит его на свадьбу, и моё место займёт настоящая Елена.

— Пришли, — объявляет Глеб и, сильнее потянув за руку, помогает мне забраться на высокий холм перед пологой площадкой.

— Наконец-то, — запыхавшись, радуюсь я, поднимая поникшую от усталости голову и вижу нечто невероятное

Мы на утёсе, под ногами раскинулись верхушки заснеженных гор, подножие которых тонет во мраке, а над головой бесконечное и невероятно яркое звёздное небо.

— Потрясающе, — с восторгом выдыхаю я и невольно поднимаю руки к небу. — Как много звёзд, и они так близко, кажется, будто сейчас до них дотянусь, — вытягивая правую руку ещё выше, встаю на цыпочки. — Совсем чуть-чуть не хватает

— Тебя приподнять? — смеётся Глеб и обнимает меня со спины. — Был уверен, что тебе здесь понравится. Это моё любимое место. Если приезжаю, всегда сюда прихожу. Сегодня впервые не один.

— Но-но! — строго протестую я, когда Глеб ещё теснее прижимает меня к себе и нежно целует в щёку, а сама прикрываю глаза и млею.

Нечаев не впечатляется моим строгим тоном. Он мягко разворачивает меня лицом к себе, на мгновение задерживается взглядом на моих губах, а затем смотрит в глаза так пристально, что у меня перехватывает дыхание. Глеб наклоняется ближе, и вот уже его губы касаются моих, сначала осторожно, неторопливо, едва ощутимо.

Постепенно поцелуй становится глубже, сдержанность исчезает, уступая место страстному, безудержному порыву. Сначала я ещё пытаюсь сохранить остатки разума, но в какой-то момент посылаю весь мир куда подальше — впервые меня настолько сильно тянет к мужчине, и мне с ним так хорошо. Обвиваю его шею руками, прижимаюсь ближе и отвечаю на поцелуй так пылко, как никогда прежде.

— Лена, — шепчет Нечаев, и чужое имя действует на меня так, как если мне треснули со всей силы кувалдой по голове.

Я совсем рехнулась?! Мне и так придётся жить с грузом вины за обман до конца дней, осталось только добавить к этому разбитое сердце. Нельзя влюбляться в Глеба, ведь я могу пронести эту любовь через всю жизнь и никогда, ни с кем другим не стать счастливой.

— Нам пора возвращаться, — отстраняясь, говорю я и мысленно обещаю себе, это был наш первый и последний поцелуй.

Глава 8

Дать себе обещание я дала, а вот с выполнением возникли проблемы.

Перед каждой встречей с Глебом я занималась самовнушением, долго и упорно твердила себе: на этот раз я должна, просто обязана соблюдать дистанцию — и физическую, и эмоциональную. Но стоило мне его увидеть, как все установки с оглушительным свистом вылетали из головы. Рядом с ним я не принадлежала самой себе. Я растворялась в нём без остатка, тянулась всем телом, сердцем, душой. Потому что, увы и ах — я влюбилась.

Единственное, за что могу себя похвалить: дальше поцелуев и объятий у нас не зашло. За этим, вопреки чувствам, я строго следила. Хорошо помогали «подзатыльники» — те, что Глеб, сам того не зная, отвечивал мне, когда называл Еленой. А ещё делала всё, чтобы мы никогда не оставались с ним наедине за закрытыми дверями. Потому что иначе иначе я бы с ним выпалась.

Шестаков был более чем доволен тем, как я справлялась с задачей. Иной раз ходил вприпрыжку посвистывая. И даже когда я честно сказала ему, что Нечаев не намерен жениться ради контракта, я его об этом спрашивала, так что знаю точно, он ничуть не растерял энтузиазма. И объяснил почему:

— Как миленький женится. Он втрескался и втрескался так, что хрен отдерёшь. Особенно когда я поставлю ему условие — любые встречи с моей Ленкой только после того, как назовёт дату свадьбы.

Чем ближе день, когда наши дороги с Нечаевым разойдутся резко и навсегда, тем тягостнее у меня на душе. Она буквально рвётся на части, стоит лишь подумать о расставании. Даже представить не могу, в какое унылое, раздавленное, опустошённое существо превращусь, когда это случится.

Сегодня, как, впрочем, и вчера, и позавчера, мы с Глебом провели весь день вместе. Вместе завтракали, гуляли, купались в бассейне. А сейчас мы вышли из кинозала, Глеб его полностью арендовал для нас двоих. Сюжет фильма не расскажу даже под самыми изощрёнными пытками, знаю лишь название. Как только замелькали первые кадры фильма, мы обнялись и начали целоваться, а оторвались друг от друга, когда на экране уже шли заключительные титры и в зале включили свет.

Сейчас у нас в планах поужинать, а после, перед сном, прогуляться на ту самую смотровую площадку — полюбоваться звёздами. В другой день уже не получится: согласно прогнозу, завтра погода испортится.

Мы уже почти дошли до ресторана, когда Глебу позвонили. После короткого, но, судя по напряжённому лицу, непростого разговора он спросил:

— Лена, мне придётся подняться в номер. На почту прислали бумаги, их позарез нужно просмотреть прямо сейчас. Это займёт минут двадцать, может, полчаса. Как тебе удобнее: подождать в ресторане или поднимешься со мной?

Разум кричал дурным голосом: «Жди в ресторане! Не смей с ним подниматься! В номере есть две самые опасные вещи — кровать и закрытая дверь». Сердце же ныло: «У вас осталось всего два дня. Вычти из этого сон, душ и прочие ежедневные ритуалы — останутся жалкие часы. Пойдём с Глебом, продлим счастье аж на целых тридцать минут».

— Я с тобой, — взяла его под руку, хоть и понимала, что сильно рискую, но сократить наше время, которого и так осталось катастрофически мало, просто не смогла.

В номере Нечаев сразу сел за письменный стол и открыл крышку ноутбука. Я же тщательно обследовала пространство. А Шестаков, оказывается, жмот. Наши с ним номера безусловно отличные, но им далеко до номера Глеба. У него не одна комната, а целых три. Плюс

балкон — не такой, как у меня шириной в полтора метра, а настоящая терраса с потрясающим видом на горы. У меня же из окна видно только другой корпус отеля.

Ещё у Глеба в номере гораздо чище. Но тут, конечно, его заслуга: он убирает вещи по местам, а не бросает их, как я, где попало. На моём комоде навалена целая гора: зарядка, фен, косметика. А у Глеба ничего нет, кроме одного-единственного клочка бумаги.

Я бы прошла мимо, листок как листок, небольшой, квадратный, для записок, на котором было что-то написано круглым и корявым почти детским почерком, но взгляд зацепился за цифры: 402 и 403. Числа как у наших с Шестаковым номеров. Заинтересовалась, подняла листок и прочитала «402 — Шестакова Елена Игоревна. 403 — Шестаков Игорь Сергеевич».

— Это что за листок? — спросила я у Нечаева, помахав бумажкой.

Глеб поднял голову, прищурился, потом на его лице появилось узнавание, и он с улыбкой пояснил:

— Это, видимо, Артём оставил. Помнишь, я говорил? Когда ты нас чуть в травмпункт не отправила, я попросил парня узнать, кто ты и в каком номере живёшь.

Я буквально физически ощутила, как во мне поселилась смертельная тоска и изнутри начала отравлять. Всё это время Глеб говорил правду. Он не притворяется ни сейчас, ни тогда. Каждое его слово, каждое признание, каждый поцелуй были искренними, настоящими

Лучше бы мне никогда не находить этот листок. Пусть бы я и дальше сомневалась в искренности Глеба, расставаться было бы легче. Как теперь жить, зная, что не только я люблю его — но и он меня?

Даже не поняла, как очутилась возле письменного стола, рядом с Глебом. Меня привела к нему непреодолимая потребность немедленно оказаться в его объятиях, почувствовать его тепло, ощутить вкус его губ. Он изучал документы, но я всё равно забралась к нему на колени и крепко поцеловала.

— Неожиданно, — шепчет Глеб.

Он не просто так удивился. Раньше я никогда не делала сама первый шаг, не целовала его, не прижималась, не обнимала, вся наша нежность и ласки случались исключительно по его инициативе.

— Но приятно? — спрашиваю я, когда отрываюсь от его губ, чтобы вдохнуть.

— Не то слово.

Провожу ладонями по его плечам, по спине, ощущаю под пальцами силу и тепло его тела, вдыхаю запах В этот момент внутри меня всё кричит: «Да плевать! Плевать на собственные запреты!»

Я его люблю. Впереди неизбежное расставание. И не на время — а на вечность. Всё, что у меня от Глеба останется — это воспоминания.

И я хочу сохранить их как можно больше, включая нашу первую и единственную совместную ночь.

Приняв решение, тут же начинаю воплощать его в жизнь. Уже не просто обнимаю, целую, ласкаю, я провоцирую Глеба на большее — откровенно, без стыда, без оглядки. Он это чувствует, распаляется за секунды, но вдруг немного отстраняется от меня и, тяжело дыша, спрашивает:

— Ты уверена? — его голос звучит хрипло и низко.

— Как никогда, — отвечаю я, без сомнений стягиваю через голову рубашку и отбрасываю её в угол.

Нечаев смотрит на меня потемневшим взглядом, а я опять впииваюсь в его губы нетерпеливо и жадно. Мои ладони скользят по его затылку, зарываются в волосы, его руки сжимаются на моей талии, притягивают ближе. Он отвечает мне тем же голодом, той же жаждой, что кипит внутри меня. Мы наслаждаемся друг другом так, словно оба знаем, этот момент больше не повторится. И от него нужно взять всё, выжать до последней капли.

Глеб поднимается вместе со мной и, не разрывая поцелуй, несёт до кровати, аккуратно опускает на матрас, наваливается сверху и, глядя в глаза, шепчет:

— Я тебя люблю.

Его признание ударяет под дых. В груди одновременно нестерпимая боль и блаженство. Я улыбаюсь ему сквозь слёзы. Его слова — это абсолютное счастье, от которого хочется кричать. И одновременно агония, после которой я точно знаю мне себя уже заново не собрать.

— И я тебя люблю, — обхватив его лицо ладонями, отвечаю я так же тихо, но твёрдо:

Ночь растворилась в поцелуях, в нежном шёпоте, в срывающихся столах, в прерывистом дыхании, в сплетении наших горячих тел. Она стала самым сладким и одновременно самым горьким моментом моей жизни.

Глеб давно и крепко спит. Мне же совсем не до сна. Я пригиралась у него на груди, чувствую, как бьётся его сердце, слышу размеренное дыхание и рассматриваю его умиротворённое лицо. Любуюсь уверенным подбородком, прямым идеальным носом, чуть приоткрытыми чувственными губами и умиляюсь длинным густым ресницам, что нет-нет да слегка подрагивают. Глеб, видимо, видит сон.

Уже через несколько часов мне придётся навсегда уйти из его жизни. Эта мысль буквально вырывает из груди сердце и причиняет такую нестерпимую боль, что хочется с остервенением биться головой о стену и орать во всё горло. Но я лежу неподвижно и, стиснув зубы, терплю. Всё, что я себе позволяю — это изредка всхлипывать носом и часто-часто моргать, высушивая накатившие слёзы.

Как мне теперь жить без него? Зачем открывать утром глаза, подниматься с постели, есть, пить, работать, учиться, если больше я никогда его не увижу?

Никогда не услышу его голос, никогда не дотронусь до него, никогда он мне больше не улыбнётся, никогда никогда

Чувствуя, что я на пороге истерики, ещё немного, не сдержусь и разрыдаюсь. Осторожно поднимаюсь, выскальзываю из кровати и запираюсь в ванной.

Там меня сразу начинает ломать. Сначала я сгибаюсь пополам, а затем падаю на колени и с надрывом и хрипами вою. Нет, негромко, звук голоса я давлу. У меня нет такой роскоши, как страдать открыто в полную силу.

Сколько времени я провалялась на полу, извиваясь, корчась и давясь рыданиями, не знаю. Но когда более-менее успокоилась, встала и открыла в кране воду, чтобы умыться, глядя на своё бледное измученное и зарёванное лицо в отражение зеркала, я с вызовом и отчаяньем прорычала самой себе:

— Да пошёл этот Шестаков!

Глеб проснётся, и я ему всё расскажу. Всё как есть, от начала и до конца. И пусть он потом сам решит, гнать меня в шею или дать нам ещё один шанс.

Глава 9

Решение признаться Глебу принесло невероятное облегчение, будто сбросила со спины многотонный груз, даже плечи невольно расправились, дышать стало легче и в голове прояснилось.

— Е-моё, — сокрушённо вздыхаю, глядя на своё отражение.

Красные, заплаканные глаза, опухший нос, кожа на груди, покрыта неровными пятнами. Вид у меня, прямо скажем, очень не очень. Выгляжу жалкой, несчастной, разбитой.

Перед непростым разговором с Нечаевым надо бы придать себе хоть какой-то товарный вид, иначе буду чувствовать себя неуверенно и не смогу всё правильно ему объяснить.

Пока есть время, наведуюсь в свой номер. Приму душ, уложу волосы, подкрашусь, переоденусь. Заодно соберу чемодан. Естественно, возьму только свои вещи, к тем, что покупал Шестаков, даже не прикоснусь.

Да-да, готовый чемодан жизненно необходим. Как только вскроется правда, Шестаков однозначно пнёт меня из номера коленом под зад. Не исключено, что и Глеб так же поступит, если не поймёт и не простит. В таком случае я вылечу из отеля так же стремительно, как пробка из бутылки игристого.

Выглядываю из ванной, Глеб по-прежнему безмятежно спит, только теперь вместо меня обнимает мою подушку. На несколько секунд замираю и люблюсь им, мысленно делая своего рода фотографию — на тот случай, если всё закончится не так, как мне бы хотелось.

Затем с величайшей осторожностью, на цыпочках, словно сапёр на минном поле, брожу по комнате, собираю свою разбросанную одежду. Благо ночь лунная, и на территории отеля круглосуточно горят фонари, иначе бы пришлось подсвечивать телефоном. С ворохом вещей выхожу из спальни в гостиную, плотно закрываю дверь и одеваюсь уже спокойно, не боясь разбудить Глеба.

Через пару минут вставляю ключ-карту и открываю дверь своего номера — где горит свет. А гореть он может лишь в одном случае, если в номере находится кто-то с ключом, потому что без него все электрические приборы автоматически выключаются.

— Я позволю ему разве что дотронуться до края моей одежды, так, кажется, ты говорила? — со злой усмешкой тянет Шестаков.

Он сидит в кресле возле окна, в руке держит бокал, рядом на столике початая бутылка чего-то явно крепкого.

Изображать оскорблённую невинность не стану — не имеет смысла. По мне сразу видно, что мы с Глебом полночи далеко не в шашки рубились, и я позволила ему гораздо больше, чем просто подержаться за край одежды. На затылке — начёс из волос, губы припухли от поцелуев. Да по мне даже не столько видно, сколько чувствуется, что предавалась греху.

С другой стороны, даже хорошо, что Шестаков здесь. У нас был уговор, я собираюсь его нарушить, и будет правильно сначала поговорить с ним. Предупредить.

— Игорь Сергеевич, я вас подвела, — выдыхаю я, проходя внутрь. — Легче вам от этого не станет, но я всё равно прошу прощения. Извините.

Шестаков внимательно наблюдает, как плавно перекачивается жидкость в его бокале, затем подносит его к лицу, но не пьёт, лишь вдыхает аромат.

— И за что, интересно, ты просишь прощения? — спрашивает он, поднимая на меня тяжёлый взгляд. — За то, что опозорила мою Ленку, сразу прыгнув к Нечаеву в койку? Или есть новости похлеще?

— Похлеще, — признаю я. — Утром расскажу Глебу, что я не ваша дочь.

Я ожидала всего: агрессии, оскорблений, угроз. Но никак не того, что Шестаков выдохнет с явным облегчением.

— Значит, пока он ничего не знает?

— Нет. Но утром я ему расскажу. И сразу предупреждаю, решение я не изменю.

— Ясно, — выплёвывает он и сокрушается, стуча кулаком по подлокотнику кресла. — Вот хотел же ещё вчера тебя отослать, но нет Ты, поди, раньше таких мужиков, как Нечаев, даже не нюхала, а тут на тебе Решила, деньги, которые я тебе заплатил рано или поздно закончатся, а тут можно свой зад сыто пристроить на пожизненное содержание. Бабы, бабы Все вы одинаковые, как под копирку.

— Деньги здесь ни при чём, — заявляю я, хоть и понимаю, Шестаков мне не поверит. Каждый судит по себе — это закон. — Я не хотела, но влюбилась в Глеба.

— Даже не сомневаюсь, — посмеивается Игорь Сергеевич. — Нечаев молодой, красивый, богатый, чего бы в него не влюбиться девке, которая раньше ничего слаще морковки не ела. Конечно, влюбилась. Вопрос в другом, влюбился ли он в тебя?

— Да, — уверенно отвечаю я.

— Откуда ты знаешь? — интересуется Шестаков, но тут же роняет. — Дай угадаю. Он тебе сам об этом сказал?!

— Да, сам, — подтверждаю.

— Дура! — с надрывом орёт «папаня», и я вздрагиваю. — Тупоголовая набитая дура.

Смотрю в пол, молчу и не спорю. Пусть кричит, пусть обзывает, лишь бы не начал руками махать. Получить сотрясение головы, ударившись об кулак — очень не хочется. Может, чтобы снизить риск рукоприкладства, ещё раз извиниться? Нет. Не поможет. Он даже слушать не станет. Я же у его кровиночки краду жениха.

Шестаков дерёт горло до летящей изо рта слюны, до вздутых на шее вен, зато прооравшись, он опустошает бокал и вроде как успокаивается.

— Думаешь, Нечаев тебе в любви признался? — отдышавшись, снова начинает он. — Ошибаешься. Он это моей Ленке признался. Девушке, равной ему по положению. Брак с которой укрепит его позиции, а не пошатнёт. Как только он узнает, что ты носишься с подносами в забегаловке, побрезгует даже в твою сторону плюнуть. На что, мать твою, ты надеешься?!

— Говорите, что хотите. Я уже сказала, решение не поменяю, — отвечаю я, не поднимая глаз.

— Да что ты будешь с ней делать?! — опять ревёт Игорь Сергеевич, колотя себя по коленям. — Ты, поди, на свою смазливую мордашку рассчитываешь, да на стоячие буфера? А вот и зря! У Нечаева таких, как ты, по семь штук в неделю, а то и больше. Он вокруг тебя водил хороводы лишь потому, что считал — ты моя дочь. А так попользовался бы разок и забыл. Оно так и будет.

— Утром проверим, — цежу сквозь зубы, упорно продолжая стоять на своём.

Шестаков мерит всех по себе, а он и Глеб — разные люди. Вот вообще не боюсь сказать Нечаеву, что я официантка. С каких пор честно зарабатывать стало стыдно? Плюс я студентка, без пяти минут дипломированный экономист. Переживаю только за то, как он отреагирует, что я ему врала, притворяясь другим человеком.

— Проверишь — проверишь, — усмехается Шестаков. — Я Нечаева подольше тебя знаю. И характер его и какой он бывает гнидой. Сейчас расскажу тебе поучительную историю. Когда-то на него работал некий финдир, Борис Аркадьевич. Долго работал, добросовестно, без нареканий. Начиная ещё в фирме отца Глеба. В общей сложности человек на семью Нечаевых батрачил лет двадцать пять. И вот Бориса Аркадьевича прижало, срочно понадобились деньги. Не сказать, что очень уж много, но всё же. Он не пошёл к Глебу и не взял в банке кредит, а, пользуясь служебным положением, оформил от фирмы на себя заём. Всё сделал по правилам, только подделал подпись Нечаева. Через несколько месяцев он постепенно вернул долг, как положено по закону, с процентами. Но Глеб об этом узнал. Как думаешь, что он сделал?

— Уволил его, — предполагаю я.

— Если бы, — с довольным видом тянет Шестаков. — Он наката на него заяву. Было и расследование, и суд, и условный срок. Заметь, человек по сути ничего не украл, работал на Глеба и его папашу херову тучу лет, но он его не пожалел. Знаешь, почему Нечаев так поступил? Потому что его обманули. Даже я бы просто вышвырнул этого Борису за ворота и дело с концом. Но у Нечаева пунктик, если его обманули, неважно кто, он никогда не простит, не забудет и по возможности отыграется.

Игорь Сергеевич поднимается из кресла, подходит и примирительно хлопает меня по плечу.

— Расскажешь – потопишь и себя, и меня. Если и правда влюбилась – забудь, дело молодое, сегодня один, завтра другой. А если решила, что напоролась на золотую жилу – так промахнулась ты, девочка. Такие как Глеб, на таких, как ты, не женятся. Максимум, берут на содержание, на пару месяцев, но не дольше. Мне уж поверь. Давай так, чтобы подсластить пилюлю, я тебе сверх того, что уже выплатил, накину двадцать процентов, а ты прямо сейчас собираешь вещички и уматываешь восвояси. По рукам?

— Нет, — мотаю я головой.

— Да что же ты такая трудная, а?! — рывкает Шестаков прямо в ухо. — Я же с тобой и так и сяк По-хорошему хочу проблему решить, но ты всё равно упорно толкаешь на грех. Тюкну сейчас по голове, вызову парней, они упакуют тебя в чемодан, прикопают в лесу, и тыполнишь статистику без вести пропавших людей.

— Не пугайте, я вас не боюсь, — говорю я, смело глядя «папаше» в глаза. — Ничего вы мне не сделаете. Вам моё сходство с дочерью не позволит. Я не утверждаю, что вы любите меня, как её, конечно, нет. Но и как к чужой вы ко мне не относитесь. У вас рука на меня не поднимется. Так что хватит угроз, больше я на них не поведусь.

Шестаков сначала смотрит на меня удивлённо, а потом от души громко хохочет.

— Вот же коза драная. Видимо, теряю хватку, если заметила. Да, Алиса, твоя правда, на тебя у меня рука не поднимется. Но если откроешь рот, ты не только сорвёшь свадьбу моей дочери, но и поставишь меня в крайне затруднительное положение перед Нечаевым. Я буду очень, очень зол. И, конечно, захочу отыграться. А так как тебя я тронуть не могу, остаётся твоя бабка. Вместе с ней может сгореть дом. Её может сбить машина

— Хватит!

— И я так считаю. Хватит, Алиса. Мы поработали вместе, пришло время тебе уезжать.

— Я пожалуюсь Глебу, что вы угрожали моей бабушке.

— Можешь, конечно. Но ты уверена, что он не пошлёт тебя куда подальше вместе с проблемами? Готова рискнуть и поставить под удар жизнь единственного близкого человека? Кого ты выберешь, мужчину, которого знаешь несколько дней, или бабушку, которая тебя вырастила?

Тянется одна тягостная минута, вторая я всё молчу.

Глава 10

— Ты сильно-то неприкасаемой себя не считай, — рявкает Шестаков и хватается меня за горло. — И не надо думать, что я добренький. Это не так. Если касается семьи или бабок, я на всю голову отмороженный. Стоит тут, воды в рот набрала, думы думает.

Задыхаюсь, хриплю, отчаянно пытаюсь оторвать его пальцы от шеи, но какой там Шестаков хоть и возрастной, но сволочь сильный.

— Выбирай, сказал, мужик или бабка? — выплёвывает он и с силой отталкивает меня от себя.

Слава всему позади стоит кресло, и падаю я в него, а не на пол.

— Если трудно решить, так я подсоблю, — продолжает Шестаков. — Позвоню парням, чтобы прямо сейчас собирались в дорогу и навестили твою бабулю.

Этот садист и правда достаёт телефон, решительно тычет в экран, раздаются длинные гудки и меня накрывает паника.

— Не надо! Я уеду — истерично вскрикиваю я.

Шестаков на мгновение задерживает на мне взгляд, с едва заметным кивком, сбрасывает вызов и небрежно бросает телефон обратно в карман.

— Ну вот и умница. И себе, и мне упростила жизнь.

Шестаков, весь напряжённый, сидит в кресле и пристально наблюдает из-под бровей, как я, давась слезами, складываю в чемодан вещи. И главное непонятно, с чего у него морда лица кислая? Победил же, бутылка рядом, бокал в руке, три порции уже в себя опрокинул. Чтобы у него печень отказала. Козёл.

— Ты зачем шкаф закрыла, если в нём на вешалках полно шмотья? — гаркает он недовольно.

— Всё своё я забрала, а вашим, будьте добры, подавитесь, — шиплю я, открывая верхний ящик комода.

Шестаков тяжело вздыхает, что-то раздражённо бормочет себе под нос, встаёт и ногой подталкивает чемодан ближе к шкафу.

— Не дури. Часто ли тебе хоть что-то в этой жизни давалось даром? Забирай всё. Потом пожалеешь, да будет поздно.

— Сказала же, подавитесь, — огрызаюсь я и, схватив чемодан за ручку, дёргаю его на себя. — Мне от вас ничего не надо. Я вам и деньги верну.

— Зараза! — Игорь Сергеевич резко дёргается в мою сторону с таким разъярённым видом, что я пугаюсь и невольно отпрыгиваю к окну. — Малолетняя тупоголовая курица. Засунь свою гордость в одно известное тёмное место. Она тебе не по карману. Она даже мне не всегда по карману, так что порой я сглатываю, беру, что дают и дальше живу. И ты так же сделаешь. Эти деньги — не подачка, не милостыня. Ты их заработала.

— Ага, обменяла на душу, — тихо отвечаю я, согнувшись и обнимая себя.

— Что ты несёшь? — кривится Шестаков, распахивает дверцы шкафа, сдёргивает одежду с вешалок и как попало сваливает в чемодан. — Попробуй только хоть нитку оставить или обратно перевести мне деньги. Твоей бабке это будет дорого стоить. Мои парни всё-таки к ней заглянут — чаю попить да пару рёбер переломать. Что уставилась? Я за тебя должен барахло собирать?! Давай уже сама, и пошевеливайся.

Смутно помню, как выходила из номера, как спускалась на первый этаж в лифте, голова шумела, кружилась, всё было словно в тумане. Лишь на улице, когда лицо обдало ветром и обожгло холодом, я будто очнулась.

— Тупоголовая курица могла бы доехать и на обычном такси, не обязательно было вызывать такое, — язвлю я, заметив автомобиль представительского класса с водителем в чёрном деловом костюме, уже поджидающий меня у крыльца.

Шестаков, идущий рядом и волочащий за собой два моих чемодана, тяжело вздыхает.

— Зла на меня не держи, — мягко говорит он. — Сейчас тебе кажется, что всё, жизнь кончена, но это быстро пройдёт. Потом ты меня ещё с благодарностью вспомнишь. Я тебя ни в чём не обманул, обещания сдержал Неделю по Нечаеву пореви, а потом даже запрети себе о нём думать. Как только бы Глеб узнал правду, он бы так тебе в душу нагадил

— О-о, опять папулю включили, — с сарказмом замечаю я. — Это уже не смешно, завязывайте.

— Чуть не забыл, — восклицает Игорь Сергеевич, бросает чемодан и хватается за мою сумку. — Телефон верни. Тот, что я тебе дал, с Ленкиной симкартой.

Получив обратно телефон, Шестаков открывает мне заднюю пассажирскую дверь. Когда забираюсь в салон, он её захлопывает и уходит. И я отчётливо понимаю, он сейчас закрыл не просто дверцу машины — он закрыл дверь в ту мою жизнь, где был Глеб.

Глеб

Ещё не продрав глаз, да и толком не проснувшись, ощупываю пространство рядом с собой.

Ну и где она? Уползла на самый край кровати?

Перекаत्याюсь на спину, вытягиваю руку — но ладонь по-прежнему шарит по пустому матрасу. В постели её точно нет. Не кошка же она, в конце концов, чтобы спать в ногах, свернувшись клубком.

Резко сажусь и осматриваюсь. Пусто. Ни Елены, ни её одежды нигде не видно.

На несколько секунд замираю, надеясь уловить в ванной шум льющейся воды. Хер там — тишина.

Спускаю ноги на пол и почти бегом обхожу комнаты номера. На всякий случай заглядываю в обе ванны — даже несмотря на то, что там не горит свет.

Не отыскав пропажу, разочарованно ударяю ладонью о стену и раздражённо цежу сквозь зубы:

— Ускакала, коза

Тут же смягчаюсь и поправляю себя:

— Ладно, козочка.

Беру телефон и набираю её номер, но абонент не абонент. Разредилась батарея или сама выключила? Если сама, то зачем? Чтобы не беспокоили? Кто? Я!

Быстро принимаю душ, одеваюсь и направляюсь к ней. Нужно поговорить — и чем раньше, тем лучше. Не просто же так она посреди ночи сбежала от меня, даже не предупредив.

Не удивлюсь, если проснулась, увидела меня рядом — и схватилась за голову. А теперь прячется в своём номере с мыслью: «Что же я наделала!»

Женщины, в принципе, обожают заморачиваться над темой постели. Хлебом их не корми — дай только заняться самоедством, если вдруг позволили себе больше, чем планировали. Особенно когда нарушили какой-то свой «допустимый» моральный срок, после которого, по их мнению, можно перейти от платонических отношений к полноценным.

Дохожу до двери с табличкой 402 и стучу. Услышав приближающиеся шаги, улыбаюсь. По крайней мере, она не собирается делать вид, будто в номере её нет — это уже ободряет.

Дверь распахивается, и моя улыбка резко сползает с лица. Вместо Елены на пороге стоит Шестаков. Одет, как вчера вечером, в серый костюм, только верхние пуговицы рубашки расстёгнуты и галстука нет. Глаза красные, опухшие, морда зло перекошена и несёт перегаром. Похоже, этот Гаврик спать не ложился и провёл всю ночь в компании бутылки.

Может, из-за него Лене пришлось уйти из моего номера? Папаша её потерял, вызвонил, а когда она вернулась, устроил ей допрос — где была да чем занималась? И судя по взбешённой моське Шестакова, он добился от дочери всей правды.

— Доброе утро, — здороваюсь я. — Лена где?

— Уехала, — с вызовом выплёвывает он. — На стажировку.

Какоето время молчу, переваривая услышанное.

— До стажировки же ещё несколько дней, — уже не скрывая раздражения, рычу я.

— А я решил отправить дочь раньше, — ухмыляется он.

— А что так?

— Заходи, — Шестаков шире открывает дверь и отступает. — Нам есть что обсудить.

Похожу внутрь. Дверцы шкафа распахнуты, ящики комода неплотно закрыты, на полу валяются пустой пакет и какаято синяя тряпка, похожая на женский топ. На тумбочке одиноко лежит колпачок от помады. Номер выглядит так, будто Елена съезжала в спешке, как при пожаре.

Впиваюсь взглядом в Шестакова. Он как ни в чём не бывало, плюхается в кресло, зубами выдёргивает пробку из бутылки, наполняет два бокала и тычет рукой на свободное кресло рядом с ним:

— Садись.

— Не рано ли для возлияния? — тяну я.

— Самое то для подобного разговора, — отвечает он.

Спустя час мне приходится пожалеть, что не запер свой номер. Вадим постучал, я не ответил, тогда он дёрнул за ручку — дверь поддалась, и он вошёл без приглашения.

— О, — удивляется он, увидев меня на диване. — Я уже подумал, тебя здесь нет. Пойдёшь завтракать? — Этот вечно голодный шлёпает себя по животу.

— Не хочу, иди без меня, — отказываюсь я.

Вадик чуть склоняет голову набок и приглядывается ко мне.

— А чего настроение хмурое? С Ленкой поругались?

— Хуже, — выдыхаю я. — Этот чёрт Шестаков сегодня утром тайком отослал её на стажировку. И поставил мне условие: впредь я смогу общаться с его дочерью, только если назначу день свадьбы.

— Он чокнулся или как?! — возмущается Вадик и, присвистывая, крутит пальцем у виска, потом усаживается рядом и с некоторой неловкостью говорит. — А может, оно и к лучшему? Я вчера одному человеку звонил и как бы между делом спросил о твоей Ленке. Его брательник какое-то время тусил с ней в одной компании. Прямо он ничего не сказал — мол, говорить о ком-то с чужих слов стрёмно, но намекнул, что у неё есть проблемы с зависимостью. И, как сам понимаешь, это далеко не шопоголизм.

— Один дебил другому рассказал, а ты повторяешь?! — взрываюсь я.

И так хреново, и он тут ещё накаляет.

— Слушай, я за что купил, за то продаю, — оправдывается Вадик.

— Какая зависимость! Ты же её видел, разговаривал, хоть что-то отдалённо похожее на зависимость заметил? — опять рычу я.

— Нет, но

— Ну вот и завали пасть.

— Ты куда? — бросает Вадик вдогонку, когда я поднимаюсь и иду к выходу.

— К Шестакову.

— Зачем? Надеюсь, чтобы его послать?

— Нет. Назначить день свадьбы.

Глава 11

Три месяца спустя

Алиса

Я, конечно, знала, что буду тосковать и убиваться по Глебу, но весь масштаб трагедии даже не представляла.

Первую неделю я не ела, почти не пила. Лежала в лёжку, укрылась одеялом с головой и вообще из постели не вылезала. Сил хватило лишь на то, чтобы позвонить на работу и в деканат — предупредить, что вынужденно продлеваю отпуск ещё на несколько дней.

Глаза от бесконечных слёз настолько опухли, что с трудом открывались. Возможно, я так и осталась в кровати, медленно угасая от истощения, если бы не звонок бабушки.

Услышав её родной голос у меня в голове, словно щелкнуло... Она растила меня из последних сил, отказывая себе во всём. Я просто не имею права её подводить. Да, сейчас она относительно здорова и держится молодцом, но годы берут своё. Я должна закончить учёбу, построить карьеру и научиться жить дальше, чтобы, когда придёт время, быть рядом и помогать ей.

На следующее утро я выпнула себя из постели, силком затолкала в себя немного еды, оделась и отправилась сначала на учёбу, а потом на смену в ресторан.

Каждый знакомый, с кем сталкивалась, замечал перемены и спрашивал, что случилось? И я их понимала: порой, ловя своё отражение в зеркале, сама вздрагивала. От прежней Алисы осталась лишь тусклая, поникшая тень.

Поначалу я всё ещё надеялась, что скоро станет легче. Ведь говорят же: время лечит. Может, оно и так. Но хотелось бы знать хотя бы примерно — сколько ждать? Год? Два? Десять лет? Когда сердце перестанет так больно сжиматься при каждом воспоминании?

Сама не поняла, как сдала экзамены и защитила диплом. Помогло то, что до встречи с Глебом я неплохо училась, а диплом начала писать заранее — он был почти готов. Это и выручило: действовала почти на автопилоте, но всё же справилась.

А ещё теперь я официально могу считать себя чокнутой. Потому что завела Глебу своего рода алтарь — папку с его фотографиями, которые нашла в интернете. Их немного, ни в одной соцсети его нет, он свою жизнь не то что не выставляет на публику, он её, можно сказать, от всех скрывает, но кое-какие снимки у меня есть. Разглядываю их каждый день. Стыдно признаться, но иногда даже целую и сплю с папкой в обнимку.

Эту папку я создавала трижды. Потому что в моменты просветления, когда понимала, что, разглядывая снимки Глеба по несколько часов в день, делаю себе только хуже, я решалась порвать с вредной привычкой. Первый экземпляр отнесла на улицу и выкинула в урну. Второй сожгла на балконе в ведре. Но уже через пару дней я снова делала новую папку.

Мне по-настоящему страшно за своё душевное состояние, ведь мой психоз лишь обостряется. Спустя три месяца мне уже недостаточно просто смотреть на его фотографии. Я нашла адрес головного офиса компании Нечаева и вот уже второй день прячусь за углом здания через дорогу, слежу за крыльцом в надежде увидеть его хоть мельком. Вчера простояла здесь три часа, а сейчас стою уже два с половиной.

И самое ужасное — я отчётливо понимаю, что по мне плачут решётки на окнах и смиренная рубашка, но ничего поделать с собой не могу.

Спустя час я уже собиралась уходить опять ни с чем, как вдруг возле крыльца остановился чёрный блестящий автомобиль. Не особо разбираюсь в марках, но готова поклясться, этот запредельно дорогой. За рулём сидел незнакомый парень, задние стёкла машины наглухо затонированы, но я не головой, а сердцем поняла — сейчас увижу Глеба. Он или выйдет из автомобиля, или, наоборот, сядет в него.

И я не ошиблась. Буквально через секунду дверь главного входа здания распахнулась — и появился он. У меня вырвался тихий стон, а на губах сама собой появилась блаженная улыбка. Я невольно вытянула руку в его сторону, будто могла до него дотронуться.

Но в следующий миг воплотился в жизнь мой самый жуткий кошмар. Из здания выпорхнула девушка, удивительно похожая на меня, и взяла его под руку. А следом за ней гордо вышагивал Шестаков. Я вовремя зажала ладонями рот, иначе закричала бы на всю улицу. Из глаз ручьём хлынули слёзы, но я смахивала их и продолжала смотреть на сцену через дорогу.

Глеб галантно открыл, так понимаю, для Елены заднюю дверь. Она улыбнулась ему и, прежде чем сесть в салон, приподнялась на цыпочки и поцеловала его в щёку. Шестаков скользнул на место рядом с водителем, а Глеб обошёл автомобиль сзади и сел рядом с невестой. Ну а с кем же ещё?

Чёрный автомобиль давно уехал, а я всё смотрю ему вслед. И чувствую себя абсолютно пустой. Раньше во мне жили боль, тоска, несбывшиеся мечты — теперь ничего не осталось. Прав был Шестаков — Глеб меня не любил. Никогда. Любимого человека узнаешь хоть среди тысячи его копий.

Возвращалась домой так долго, что уже почти ночью бросила ключи в вазу в коридоре своей пустой, одинокой квартиры. Большую часть пути прошла пешком и лишь потом, наконец сжавшись над уставшими ногами, села в автобус.

Сама не поняла, зачем устроила себе эту долгую изматывающую прогулку, просто пошла от здания фирмы Нечаева и не останавливалась. В голове кружился вихрь мыслей, но ни одна из них не была о чём-то конкретном — постоянный монотонный шум.

Вскипятила воду, заварила себе чай, забралась с кружкой в кровать и включила первый попавшийся из предложенных в меню фильм. Головой я понимала — это душещипательная драма, но проблемы героев меня не трогали. Смотрела на экран абсолютно бесстрастно, словно телевизор выключен.

Лишь одно чувство немного пробивалось сквозь пелену отчуждения – странное удовольствие от собственного замороженного состояния. Как ни крути, но это лучше, чем, когда тебя изнутри раздирает боль.

Спустя два часа оказалось, я рано радовалась. Так понимаю, увидев Глеба с Еленой, я испытала сильнейший шок, и организм, защищая себя от поехавшей набекрень крыши, отключил все эмоции. Но он не мог их отключить навсегда. И когда начала понемногу оттаивать, во мне зародились чувства куда более разрушительные, чем прежние боль и тоска. Проснулись злость и ненависть.

Ненавижу Шестакова за то, что втянул меня в эту историю и не позволил уйти, когда я его об этом просила. Злюсь на Глеба — он такой же жадный до выгоды, расчётливый и лживый, как Шестаков. И никогда меня не любил. Но больше всего злюсь на себя. Ведь, несмотря на разочарование в Глебе, я продолжаю его всем сердцем любить.

В половине третьего ночи я снова оказалась на балконе с зажигалкой, ведром и пылающей в нём папкой. Этот раз, клянусь, последний. Всё, с меня хватит. Я уничтожу всё, что хоть как-то напоминает о Глебе, Шестакове и тех днях, проведённых в заснеженном отеле. Вырежу этот отрезок из своей жизни раз и навсегда.

В три часа ночи я выволокла на улицу пакеты с одеждой, купленной Шестаковым. Ни разу у меня даже мысли не возникло что-то надеть, но и выкинуть рука не поднялась. Сейчас же не смогла дожидаться утра, чтобы отнести их в пункт приёма вещей для нуждающихся. Вместо этого я прикрепила степлером к каждому пакету записку: «Женская одежда, хорошая, почти новая». Как только кто-нибудь заглянет внутрь, вещи гарантированно тут же исчезнут со двора.

И напоследок распрощалась с деньгами Шестакова. Раскидала их по детским домам, фондам помощи инвалидам, пожилым людям и приютам для животных. Поддержала ближних и

избавилась от проклятых денег. Учитывая, как я их получила, они никогда бы не принесли мне пользы. Я заработаю другие – честные.

Глеб

Смотрю на Лену и всерьёз подумываю обратиться за помощью к экзорцисту.

Я её не узнаю.

В неё будто кто-то вселился. Кто-то раздражающий, пустой, ограниченный, примитивный

В отеле она поразила меня остроумием, самоиронией, рассудительностью. В ней чувствовались самодостаточность и сильный характер. Куда это всё делось?

Со стажировки вернулся словно другой человек.

Разглядываю её, и она теперь даже красивой не кажется. Вроде бы всё то же: те же волосы, те же черты лица. Но всё равно не то, что было раньше, хоть тресни. Как будто муляж или искусственные цветы. Издалека – розы да розы. Но подойдёшь ближе и понимаешь — бутафория.

Ждал её три месяца. И вот она, рядом со мной уже два дня, а я думаю, лучше бы не возвращалась.

Пока она стажировалась, мы созванивались, и каждый день я ей писал. Общение было холодным, почти формальным, но я всё списывал на то, что ей не подходит телефонный формат. Когда же вместе с Шестаковым встретил её в аэропорту, первый час она держалась отстранённо, но после оттаяла, и понеслось

Лена будто рехнулась и из кожи вон лезла, зачем-то стараясь мне понравиться. Причём старалась..., да как обыкновенная шкура. По полной программе эксплуатировала все свои выдающиеся места. Трясла перед носом грудью, якобы что-то роняла, лишь бы нагнуться, будто невзначай хваталась за мою ширинку. Всё до тошнотворного похабно с вульгарщиной. В четырнадцать лет, может, это бы меня и впечатлило, но когда переваливает за тридцать, ценишь другое.

Глава 12

Сегодня Шестаков и Елена без предупреждения нагрянули в мой офис с готовой программой на вечер, сначала ужин в ресторане, а после предложили поехать к ним домой, чтобы обговорить детали свадьбы.

Свадьба. Меня начинает колотить уже от одного этого слова.

За ужином Елена давала джаза по полной, я не успевал от одного её косяка отойти, как она отмачивала другой.

Всё началось ещё у входа. К нам подошла и поприветствовала хостес — стройная, милотвидная девушка. Елена окинула её с ног до головы взглядом, оценила, скривилась, и в неё словно вселился сам чёрт. Полагаю, причиной тому стала красота девушки, других объяснений у меня просто нет.

— С каких это пор в приличные заведения начали набирать колхозниц? — закатив глаза, шепнула Елена отцу, но сделала это достаточно громко, чтобы девушка точно услышала.

К чести хостес, она даже бровью не повела, не сбилась с мысли, продолжила с той же уверенностью говорить и улыбаться.

— Позвольте проводить вас к столу у окна.

— Может, ты нас ещё у кухни посадишь или возле туалета?! — возмутилась Елена, когда мы подошли к месту.

— Это наш лучший столик, самый приватный, с отличным видом. Кухня и санузел максимально удалены, — пояснила хостес, и лишь едва дрогнувшие уголки губ выдавали, с каким трудом ей даётся эта вежливая улыбка.

Тут Елена взорвалась.

— Ты что, со мной споришь, хамка. Как ты вообще разговариваешь с посетителями? Тебе должны доверять разве что соскребать объедки с тарелок, а не гостей встречать! Убежала отсюда немедленно! Требую, чтобы нас обслужил другой, адекватный сотрудник

— Прекрати, — рявкнул я на Елену и обратился к хостес. — Столик отличный, нас устраивает. Спасибо.

Сотрудница ресторана коротко кивнула мне с благодарностью, развернулась и ушла.

Когда я снова посмотрел на Елену, она глядела на меня с искренним изумлением, будто и правда не понимала, с чего вдруг я повысил на неё голос.

— Глеб, неужели ты разозлился на меня из-за

— Из-за кого, Лена? Из-за девушки, которая изо всех сил старалась нам угодить, а ты унизила её без всякой причины?

— И что такого? — она возмущённо нахмурилась. — Она же никто Поверь, ей не привыкать. Работа у неё такая.

Вглядываясь в Елену, я всё отчётливее понимал: с ней определённо что-то не так. Люди не меняются настолько кардинально за три месяца. И дело не только в характере, меня не покидало стойкое ощущение, что та Елена в отеле и эта здесь и сейчас передо мной — два разных человека.

У прежней Лены был завораживающий голос, а эта чуть что противно визжит. По отелю Елена двигалась походкой девушки, знающей себе цену, теперь же развязано виляет бампером, да ещё с таким видом, будто ей все кругом поголовно должны. Да всё различается: манера одеваться, краситься, и даже смех

Что это? Биполярное расстройство, раздвоение личности? Или Елена просто не хочет выходить замуж, но по какой-то причине не может сказать об этом ни мне, ни отцу и поэтому так блестяще отыгрывает роль недалёкой, капризной и избалованной мажорки?

Но если это всего лишь игра, почему отец реагирует на её провокационные выходки так, будто это в порядке вещей? Может, и ему наш с Леной брак перестал быть выгодным? Возможно, они оба заинтересованы в том, чтобы я сам отказался от свадьбы?

Ясно одно, мне точно морочат голову. Осталось разобраться, зачем и кто именно? Елена? Шестаков? Или у них семейный подряд?

— Возможно, я и правда слегка перегнула палку, — примирительно залепетала Елена. — Хочешь, я извинюсь перед девушкой?

— Даже не вздумай, — резко запретил я, заподозрив, что её извинение прозвучит как новое оскорбление. Лучше компенсирую хостес инцидент щедрыми чаевыми.

За ужином я уже приглядывал за этими двоими под новым углом. И мне было на что посмотреть.

Когда официант, принимая у Елены заказ, спросил: «Какой напиток вы выбрали?», Шестаков выпалил за дочь, будто из пулемёта: «Минеральную воду».

Дальше между отцом и дочерью случился мимолётный, но крайне эмоциональный обмен взглядами. Они, не подозревая, что за ними следят, в беззвучном диалоге откровенно друг друга послали.

Я не понял, отчего такой простой вопрос о напитке вызвал у обоих явный негатив, но когда Шестаков на несколько минут отлучился в туалет, Елена сама всё прояснила.

Она, косясь на отца, проводила его за угол, сделала глоток минералки, брезгливо скривилась и, объявив, что от воды воняет тухлятиной, а пить хочется так, что немоготу, схватила чистый бокал, плеснула себе красного сухого из бутылки отца и залпом его вылакала.

И либо она гениальная актриса, способная убедительно изобразить и облегчение, и блаженство, и дрожь в руках, либо приятель Вадима, который рассказывал о её зависимости, не врал. Лично я склоняюсь к последнему варианту.

В доме у Шестаковых Елена усадила нас с отцом за стол в гостиной, с торжественным апломбом поставила перед нами ноутбук и с энтузиазмом принялась показывать сайты, фото и видео на свадебную тематику.

Мне всё это интересно примерно так же, как тонкости налогообложения Эквадора. Жениться я не собираюсь и сразу об этом объявлю, как только разберусь, почему моя потрясающая во всех смыслах невеста превратилась в особу с репертуаром примадонны в плохом настроении?

Первые пятнадцать минут я добросовестно изображал заинтересованного жениха: одобритительно кивал, оценивая салфетки, цветы и прочую мишуру. А после под предлогом срочной деловой переписки перебрался на диван. И уже оттуда, усердно строя из себя человека, поглощённого важными сообщениями, продолжил наблюдать за дуэтом «отец и дочь».

Сейчас они спорят из-за места проведения церемонии. Лена с горящими глазами предложила арендовать на несколько дней аж целый дворец. Шестаков поначалу одобрил идею, но, когда узнал стоимость удовольствия, побледнел, покраснел, драматично схватился за сердце и с убийственной серьёзностью пообещал дочери вместо замка арендовать губозакаточную машину.

Сначала Елена попробовала взять отца на жалость, включила режим «единственная кровиночка». Но тактика не сработала. Тогда невестушка перешла на ультразвук, заявив, что замок ей жизненно необходим, чтобы какая-то её заклятая подруга от зависти повыдёргивала на себе последние и без того плохонькие волосёнки.

Со стороны их спор напоминал грызню двух собак. Маленькая шавка пискляво тьякала на более крупного пса, а тот гавкал на неё, давя авторитетом. Картинка, но особенно звуки прямо один в один.

М-да, либо они прирождённые актёры, потому что я даже намёк на фальшь не заметил, либо не знаю, что и думать.

В итоге Елена отстояла свой дворец и довольная успехом, даже не дав отцу перевести дух, бодро перешла к обсуждению следующего вопроса — свадебного путешествия.

Шестаков предложил классику — приватный отель, море, пляж, солнце и всё то, что обычно рисуют на открытках с надписью «Рай».

Елена сразу обречённо закатила глаза и презрительно зафыркала:

— Банальщина. Таким медовым месяцем никого не удивишь. На эти острова летают все подряд.

— Все, да не все, — зарычал отец. — Ты хоть изредка на землю спускайся. Прихоть не из дешёвых.

— И всё равно, нет. Мы полетим туда, где даже летом можно подняться в горы и покататься. Больше года не стояла на лыжах, — капризно протянула она.

И хоть прямо я на них не смотрел, но боковым зрением уловил, как Шестаков резко выпучил глаза, прижал палец к губам и пнул дочь под столом, чтобы та немедленно заткнулась.

Елена сообразила, что ляпнула лишнего, тут же вжала голову в плечи, пригнулась и в срочном порядке затараторила:

— Ну, кстати, и на острова можно, если выбрать очень-очень хороший отель. Покажи, какой ты предлагал?

Отец с дочерью уткнулись в экран ноутбука, но уже через минуту, не сговариваясь, одновременно покосились на меня. Явно проверяли, услышал ли я оговорку.

Я и бровью не повёл, продолжил планомерно якобы набирать текст.

Дуэт с облегчением выдохнул и как ни в чём не бывало начал дальше собачиться.

Спалились. Причём всухую. А ведь могли выкрутиться. Когда Елена брякнула лишнее, Шестакову стоило лишь напомнить дочери о поездке в отель, а ей сделать вид, что она просто забыла. В этом случае они хотя бы посеяли во мне зерно сомнений: а вдруг так всё и было?

Но они оба испугались, занервничали, начали подавать друг другу сигналы, и теперь всё, я знаю правду.

Кстати, я тоже тот ещё тугодум. Разгадка лежала на поверхности. И главное — она пришла мне в голову в первую очередь. Я же сразу подумал, со стажировки вернулся другой человек — оно так и есть. Елена в отеле, и та, что сейчас зубатится с Шестаковым — это две разные девушки.

Сперва мне полегчало. Всё-таки я не дебил и не принимал решения жениться вот на этой придурочной, которой свадьба нужна лишь для того, чтобы повыпендриваться и позлить подружек.

Но уже через секунду до хруста сжал телефон. Да нет, на самом деле я полный кретин, если какая-то аферистка меньше чем за неделю сумела меня, и не помышляющего о браке, склонить к этому самому браку.

Где только Шестаков нашёл эту тварь, настолько похожую на его дочь?

Глава 13

В мыслях я откатился на три месяца назад и как наяву увидел ту Елену из отеля. Сделала меня, коза хитрожолая. Лично бы вручил ей статуэтки всех мировых фестивалей в номинации «Лучшая женская роль». Особенно за актёрскую игру в последнюю ночь.

Талантливая, зараза. Надо же было так правдоподобно всё разыграть, как она ко мне прижималась, дрожала, целовала И этот её взгляд — то незащитный, то обжигающий. А как она сказала, что тоже любит меня — аплодирую стоя. У меня же от неё настолько сорвало крышу, что я всерьёз, без всяких шуток, готов был жениться.

— Ну папа! — капризный визг «Елены номер два» резко вернул меня в реальность.

Ладно, что делать с той козой подумаю позже. Сейчас надо разобраться с этой парочкой.

Теперь я не просто отменю свадьбу, а вышвырну Шестакова из проекта. Но одной оголовки, испуганно поджатых хвостов и перемигиваний для разрыва деловых отношений мало. Зато, зная полный расклад, я быстро выведу их на кристальную откровенность. Для начала разведу этот семейный подряд по разным углам и прижму к стенке дочку, из неё правду выдавить будет проще всего.

— Лена, покажешь мне дом? — спросил я, причём громко, иначе этих двоих не перерорать.

— Да, Лена, поводи гостя по этажам, — тут же поддержал мою просьбу вспотевший и замученный грызнёй Шестаков и только что не вытолкнул дочь со стула. — Нужна передышка. У меня уже и от тебя, и от свадьбы трещит голова.

— Конечно, — заулыбалась Елена и поднялась.

Интересно, женись я на ней, через какое время после слов «Объявляю вас мужем и женой» она бы вскрыла мне череп и начала выедать мозг, как своему папаше? Через год? Месяц? День? Ставлю на минуту.

— Куда пойдём в первую очередь? — промурлыкала девушка, беря меня под руку.

— В твою спальню, — тихо ответил я, чтобы не услышал Шестаков, и подмигнул.

— М-м, — протянула она с предвкушением и заметно ускорила шаг.

Удачно меня бог отвёл. Мало того, что Елена — пустоголовая курица с зависимостью, так ещё и слаба на одно место. Я ведь для неё по сути вообще левый мужик, но она радостно, вприпрыжку тянет меня в спальню.

— Ну как? — завалившись на кровать и поглаживая себя по бедру, попросила она оценить однозначно не интерьер.

— Подходит, — бросил я, щёлкая замком на двери. — Бегом сбрасывай с себя всё и переворачивайся на живот.

— На живот? Сразу? — замешкалась она, явно рассчитывая хоть на какую-то прелюдию.

— А что не так? — якобы удивился я, поправляя ширинку. — Мне эта поза по кайфу. Где я тебя только не нагибал: в бассейне, в холле, в лифте Давай-давай.

Если какие-то сомнения и посетили Елену, то они тут же пролетели транзитом. Она резво стянула через голову платье, шустро избавилась от белья, улеглась, как было велено, и, призывно выставив филейную часть, замерла в ожидании.

Я аж приохирел. По отмороженности ставлю ей десять из десяти.

Подойдя к ней, звонко шлёпнул по задку. Может, в качестве моральной компенсации?

Нет, брезгую.

— Что-то у меня настроение не приподнятое, — пожаловался я. — Приподними. Сделай ту свою фишку.

Я прямо почуял, как она напряглась. Но так как дама опытная, знает безотказные способы поднимать настроение, тут же развернулась и потянулась к пряжке моего ремня.

— Лена, я хочу твою фишку, — остановил я её.

— Может, подскажешь, какую именно? — спросила она, трогая себя и облизывая губы.

— Твою, — выплюнул я с ехидной ухмылкой. — Но ты ведь не знаешь, о чём речь, верно? Ладно, задам вопрос попроще, какой фильм мы смотрели в отеле? Или куда собирались в последний день, но так и не дошли?

Елена теперь не оближивает, а нервно грызёт губы.

— Расслабься, — примирительно протянул я. — Уже давно догадался, что в отеле была не ты.

— Нет Почему? Я. Просто прошло три месяца, многое вылетело из...

— Хорош прикидываться. Не ты, да не ты. Мне, в общем-то, без разницы. Я всё равно на тебе женюсь, совместный проект с твоим отцом и всё прочее

— А, да? — она воспрянула духом и заметно расслабилась. — Тогда, да. В том отеле меня не было. Это всё старый хрыч придумал. Хотя я ему говорила, на кой так заморачиваться? Но он всё равно нанял какую-то девку, чтобы меня изображала.

— Профессионалку? — уточнил я, а увидев на лице девушки непонимание, пояснил. — Из эскорта?

— Ну да. Наверное. Хотя точно не знаю. Не спрашивала.

Мысленно выругался. Теперь придётся в срочном порядке бежать в больницу сдавать анализы. Вот же вляпался. Как стукнуло двадцать, я впервые не предохранялся и на тебе, сразу нарвался на профессионалку. Успокаивает одно, Елена из отеля девушка явно из дорогого сегмента, от такой, риск заработать беспокойство в штанах заметно снижается.

— Лена, а зачем вообще понадобилась подмена? — продолжил я выяснять обстоятельства, стараясь говорить ровно, хотя внутри всё кипело.

До вопроса она спокойно сидела передо мной в чём мать родила с вызывающей непри-
нуждённостью, а тут натянула на себя плед.

— Какая разница? — нахмурилась она, пряча глаза.

— У нас скоро свадьба, — напомнил я, в прошлый раз этот аргумент лихо развязал ей язык. — Давай без секретов.

Елена задумалась, тяжело вздохнула и призналась:

— На лечении я была. Но ты ничего такого не думай. Это старый хрыч вбил себе в голову невесть что и заставил. Говорит, у меня проблема — она щёлкнула пальцами по шее, изображая жест, понятный без слов. — Полный бред. Я пью столько же, сколько и все остальные. Просто люблю компании, веселье А что мне дома взаперти сидеть?!

Да-да, видел я, как ты сегодня присосалась к бокалу. Лечение явно не помогло. Говорят, первый шаг к излечению — признание проблемы. Но Елена её полностью отрицает.

— Ясно. Ну, удачи тебе, — бросил я, направляясь к выходу.

— Ты куда, а как же я?! — крикнула девушка мне вслед, а когда развернулся, нагнала на себя манящий вид и призывно приспустила с груди покрывало.

— Да на хрен ты мне сдалась, — резко выплюнул я и пошёл дальше.

— В смысле? — непонимающе крикнула она. — Мы же поженимся.

— Да ни за что в жизни! — рявкнул я, открыл замок и дёрнул на себя дверь.

— Но ты же говорил

— Я врал. Взял пример с вашей семейки.

— Очумел. Я уже всем сказала, что выхожу замуж. Стой.

— С этим вопросом обращайся к папаше. Пусть подгонит тебе моего двойника, он как раз это умеет, — бросил я уже из коридора.

Но отвязаться от Елены оказалось не так просто. Через какое-то время услышал за спиной быстрые шлепки босых ног по полу.

Оглянулся. Упаковалась в халат и чешет за мной.

В гостиной нас ждал Шестаков. Он сидел за столом, вооружившись калькулятором, и хмуро что-то считал, записывая цифры в столбик. Видимо, прикидывал смету свадьбы. Что ж, по крайней мере, одну хорошую новость я ему сообщу, тратиться на свадьбу дочери в ближайшее время ему не придётся.

— Папа, папа! — опередив меня, заверещала Елена, влетая в комнату. — Глеб отказывается на мне жениться! Заставь его!

Полагал, после всего, Елена не сможет меня удивить — казалось, дно уже пробито. Но это «заставь»

Я всегда свято верил, что в воспитании детей рукоприкладство категорически недопустимо, но теперь делаю исключение для одной конкретной невменяемой особы.

— Сейчас у Игоря Сергеевича появится проблема посерьёзнее сорванной свадьбы, — произнёс я, глядя на Елену, хотя слова, конечно, предназначались её отцу.

— Да что случилось?! — встревоженно спросил Шестаков, резко поднимаясь со стула. — Ты почему в халате?

Решив, что Елена потом объяснит отцу свой наряд, перехватил инициативу:

— Я всё знаю про подмену в отеле. И работать с твоей мордой больше не буду. Ты выходишь из проекта.

Шестаков метнул яростный взгляд на дочь. Та хоть и дура дурой, но всё же сообразила, что подставила отца, и виновато опустила глаза. Сам Шестаков тоже быстро сложил два и два, догадался, что дочь всё разболтала, не стал отпираться и сокрушённо рухнул обратно на стул.

— Я уже слишком много вбухал. Если сейчас окажусь за бортом, убытки задуют, — выдохнул он, устало проводя ладонью по лицу. — Я не могу выйти из проекта.

— Тебя никто не спрашивает, можешь или нет. Я ставлю тебя перед фактом.

— Это не тебе решать! — взорвался Шестаков.

— Решают инвесторы, — холодно подтвердил я. — Но им будет поставлен ультиматум: либо уходишь ты, либо я. И кого, по-твоему, они выберут?

— С твоей стороны поступает больше техники, ресурсов и мощностей. Но незаменимых нет, — процедил Игорь Сергеевич, и на его губах появилась гаденькая ухмылка. — Неизвестно, какое решение примут инвесторы. Глава фонда — человек до мозга костей рациональный. Он убеждён, что личное не должно вмешиваться в бизнес, это убивает эффективность и ведёт к финансовым потерям. Твой ультиматум он и так воспримет в штыки. А что скажет, когда узнает, что твоё желание вывести меня из проекта — не результат трезвого расчёта, а импульсивная месть за то, что моя дочь бросила тебя перед свадьбой?

— Игорь Сергеевич, ты что-то путаешь, — спокойно заметил я. — У меня и в мыслях никогда не было жениться на Елене.

— Неужели забыл? На прошлом собрании, чтобы разрядить обстановку, я сказал, что ты скоро покинешь лигу холостяков. А ты не просто не опроверг — ты подтвердил.

— Ха-а! — позади раздался злорадный возглас Елены. — Похоже, свадьбе всё-таки быть!

— Причём здесь твоя дочь? — спросил я, выдержав паузу. — Разве я говорил, что женюсь именно на ней?

— Нет, не говорил. Зато у меня есть фотография, где ты Ленку целуешь, — парировал он, победно прищурившись.

Я чуть не бросил: «Да ни черта у тебя нет», но вспомнил, как сам уговорил ту псевдо-Елену сделать два селфи — на мой и на её телефон. Твою же

— На фото не твоя дочь, — напомнил я, но Шестаков лишь самодовольно улыбнулся.

— Их родная мать не отличит.

— Отличит. И не только мать. Если поставить их рядом и попросить открыть рот Достаточно будет появиться перед главой фонда с той девушкой, и вопрос отпадёт сам собой.

— С той девушкой, — передразнил Игорь Сергеевич. — Чтобы появиться с ней, её сначала нужно найти. А ты даже имени не знаешь. И никогда не найдёшь.

— Ошибаешься, — ухмыльнулся я, делая шаг к Шестакову и демонстративно разминая пальцы. — Что-то мне подсказывает, ты сейчас мне не только имя её назовёшь, но и паспортные данные с пропиской.

Игорь Сергеевич резко вскочил со стула и испуганно попятился.

— Глеб, хорош угрожать! Мордобой — не твой стиль. Ты так проблемы не решаешь.

— Ничего, сделаю для тебя исключение.

Спустя пять минут в углу комнаты раздавался приглушённый вой Елены. Она попыталась оттащить меня от отца и пришлось её отшвырнуть в сторону. Шестаков стоял на четвереньках и кряхтел, сплёвывая кровавую слюну. А я тем временем заносил в заметки телефона: «Лисицына Алиса Юрьевна», дата рождения, адрес.

Алиса, значит.

Ну что ж. До скорой встречи, Алиса.

Глава 14

Покинув дом Шестаковых, какой есть, с травмированной рукой и в рубашке, забрызганной кровью, отправился по добытому адресу. Выяснилось, что в квартире вместо Алисы теперь живёт семья. Молодые улыбчивые ребята с детской коляской в прихожей. Они знать ничего об Алисе не знали, зато охотно предоставили контакты хозяйки квартиры.

Встретился с владелицей. Женщина в годах, с виду — божий одуванчик: маленькая, худенькая, из-под панамы торчат седые кудряшки, очки на половину лица. Смотришь на неё и думаешь: «Пирожки с утра до вечера стряпает внукам». Но уже через пять минут разговора одуванчик распустил колючки и превратился в кактус с нехилой такой коммерческой жилкой.

Новый адрес бывшей жилички бабуля не знала, но тут же предложила купить номер её телефона. На моё замечание, что он у меня есть, ничуть не растерялась и заявила, что готова продать копию паспорта Алисы. Приобрёл. Причём, надо сказать, по нехилой цене.

Получив деньги, бабуля ловко спрятала их в бюстгальтер и как понеслась хаять Алису:

— Изгваздала всю квартиру! Оплату постоянно задерживала! Соседи каждый день звонили и жаловались, к ней шастает неиссякаемая толпа мужиков, устраивала вечеринки с орущей музыкой до утра. Слова ей не скажи — начинает хамить. Мерзавка!

В общем, ничего нового я не узнал. То, что Алиса — та ещё сволочь, было понятно и без бабкиного доклада.

Чтобы пробить её новый адрес, пришлось подключать связи. Копия паспорта пришлась как нельзя кстати. Информацию пришлось ждать долгих два дня. Наконец, мне сообщили: недавно Алиса защитила диплом, теперь пытается трудоустроиться по специальности, а пока подрабатывает официанткой. Также оформлена как самозанятая, в чеках для налоговой указывает доход от репетиторства. На бумаге она прямо-таки святая. Плюс отдельным пунктом: эскортом девушка точно не занимается. Я аж выдохнул. Но анализы, конечно, на всякий случай всё равно сдам.

Как только получил адреса, по которым можно найти Алису, сверился с её графиком. Через несколько часов у неё начнётся смена в ресторане, но, если прямо сейчас прыгнуть в машину и рвануть к ней, можно успеть застать её дома. Конечно, по дороге вляпался в пробку. Уже порывался развернуться, чтобы подкараулить её у ресторана, но в итоге маршрут не сменил и свернул во двор её дома ровно в тот момент, когда она выходила из подъезда.

Стоило её увидеть — все внутренности скрутило в тугой узел. Ждал эту паскуду три месяца, каждую секунду только о ней и думал. Да что там думал — она мне снилась чуть ли не каждую ночь. А когда это «шестаковское чудовище» вернулось якобы со стажировки, я всерьёз засомневался в собственной вменяемости. Чуть не сдал себя в дурку. А эта? Цветёт и пахнет, хорошо всё у неё Пока я мучился, она преспокойно защищала диплом.

Удавлю. Схватился за ручку и распахнул дверь.

Нет. Нельзя к ней сейчас подходить. Как пить дать — не сдержусь и придушу. А она мне пока живая нужна, не покалеченная и в сознании. Прежде чем встречаться лицом к лицу, надо отдышаться и успокоиться, иначе этот разговор для неё станет последним.

С силой захлопнул дверцу и вперился взглядом в лобовое стекло. Смотрю, как она удаляется, и глубоко дышу — борюсь с самим собой. Простые джинсы, белая рубашка, рюкзак за плечами. С виду — приличная девушка. Но я-то знаю, какая лживая дрянь прячется за этой невинной обёрткой.

Как только её хрупкая фигурка скрывается за углом дома, в голове что-то щёлкает. Вылетаю из машины и бегу следом.

Иду за ней тенью, держусь на расстоянии. Наблюдаю. И с каждой минутой злость только растёт. Потому что вижу, как на неё сворачивают головы мужики. Такие же дебилы, как я. Ключут на ту же наживку.

В какой-то момент Алиса притормозила. Тут же шагнул в сторону и скрылся за крыльцом кофейни. В щель между рекламным щитом и дверью вижу, как она обернулась и разглядывает улицу.

Ну ни черта себе у неё чуйка! Хотя ничего удивительного. В отеле она меня с ходу считала и лихо окрутила. Эта дрянь тонко чувствует, какой и с кем надо быть. Обычно, чтобы у меня появились хоть какие-то чувства к девушке, нужны недели, а то и месяцы. А тут — пара часов и меня приклеило к ней намертво. Интуиция у этой стервы развита феноменально. Имея с ней дело, вообще расслабляться нельзя.

Она спустилась в метро, но я за ней не пошёл. Вернулся к машине, а после припарковался напротив окон ресторана. Около часа просидел, наблюдая, как она носится между столиков. Лёгкая, улыбочивая, старательная — ни за что не подумаешь, что внутри неё сидит двуличная, расчётливая тварина.

Завёл двигатель. Позже вернусь. Под конец её смены.

Вадим предложил сходить в зал — потягать железо. Не стал отказываться, до закрытия ресторана ещё далеко, надо как-то убить время. Плюс физическая нагрузка отлично прочищает мозги и помогает сбросить агрессию. А сбрасывать мне есть что — целый вагон.

Ладонь ноет. Штангу обхожу стороной, делаю упор на ноги. Но даже когда минимально задействую правую руку, кривлюсь от боли. Вадик, конечно, это замечает, подходит, присаживается на край скамьи и с прищуром кивает на мою кисть.

— Что случилось с крылом?

— Ударился о физиономию Шестакова, — цежу я сквозь плотно сжатые зубы, делая жим.

Вадим присвистнул, разглядывая мои разбитые костяшки и усмехнулся:

— И, походу, не один раз И чего ты с тестем не поделил?

Я выдохнул, поставил платформу на упоры и, не слезая с тренажёра, вкратце поделился с другом событиями. Сначала Вадим смотрел на меня с ошарашено вытаращенными глазами, а под конец заржал как конь и, ударив себя по колену, замотал головой:

— Да ну на фиг, ты меня разводишь. Разводишь же?

— Если бы, — мрачно отвечаю я, глядя в одну точку на стене.

Вадик резко перестаёт хохотать, сглатывает, внимательно на меня смотрит, качает головой и с сочувствием выдыхает:

— Да, ну и дела И ты потащишь эту Алису-Елену к главе фонда?

— А куда деваться? — выплёвываю я. — Придётся.

— Ну не знаю, — Вадик пожимает плечами, взъерошивая волосы на затылке. — Можно оставить всё как есть. Не факт, что Шестаков выполнит угрозу. Твоё слово против его, и плевать на фото. С нынешними приложениями я за пять минут состряпаю твои фотки не то что с дочкой Шестакова, а с женой главы фонда. В чём мать родила и целующихся в ванной.

— Не хочу рисковать, — говорю я.

Вадим ехидно улыбается:

— Или тебе мало один раз встретиться с Алисой-Еленой, наорать на неё и навсегда распрощаться? Вот ты и уцепился за мнимую необходимость кому-то её там показать. Не занимайся самообманом. Для начала разберись, чего хочешь на самом деле. Если не планируешь с Алисой продолжения отношений — плюнь, махни рукой и даже не разговаривай с ней. Как говорится, бог ей судья. Если же тебя настолько припекло, что ты готов простить, прямо ей об этом скажи и начните всё заново.

— Простить?! Начать заново? — взорвался я. — Да я скорее себе башку отгрызу.

Рывком встал с тренажёра, схватил бутылку воды, полотенце и, не сказав больше ни слова, двинулся в сторону раздевалки.

— Вот ты сам себе и ответил на вопрос, — донеслось в спину, — Простить и начать заново. Но, зная тебя, добавлю ещё один пункт от себя лично: нервы ей вытрепать по полной программе. Особо-то только не усердствуй, испортишь же всё.

Подъехал к ресторану за час до закрытия. Столик заранее заказал, чтобы достался именно тот, что обслуживает она.

Меня проводили к столу и вручили меню. Листаю, но пальцы подрагивают, а буквы пляшут и сливаются в серую кашу. Вот до чего меня довела, одна дрянь.

Алиса прошла мимо моего столика уже дважды. Я отворачивался к окну. Она меня не заметила или не узнала. Как и днём, она улыбается посетителям, но уже не летает по залу — конец смены, видно, устала. Ничего, я тебя сейчас взбодрю, милая.

— Добрый вечер. Меня зовут Алиса. Вы уже ознакомились с меню или подойти позже? — раздался её голос рядом.

Я знал, что она подойдёт. Видел, как она взяла курс на мой столик. Поэтому заранее приложил ладонь ко лбу, прикрывая лицо, и низко склонился над раскрытым меню, делая вид, что изучаю закуски.

Медленно поднимаю голову и встречаюсь с её взглядом.

Узнавание тут же ударило по её лицу. Улыбка мгновенно сползла, глаза стали огромными, ошарашенными — в них метались страх, растерянность и что-то ещё, чему не смог дать определения.

— Соскучилась?! — зло рычу я, она вздрагивает, дёргается назад и из её рук выпадает планшет.

Наблюдаю за этой дрянью и пытаюсь понять, она действительно так шокирована и напугана, как выглядит, или ещё до того, как подойти, она меня заприметила, узнала, сообразила, что раз уж я её нашёл — прятаться бесполезно, поэтому в срочном порядке нацепила добропорядочную личину и разыгрывает партию: «Невиноватая я, это всё Шестаков, он плохому меня научил»?

Пока мы таращимся друг на друга, к столику подходит другая официантка. Она нагибается, поднимает с пола злополучный планшет и, обеспокоенно глядя на Алису, протягивает его:

— Ты в порядке?

Алиса планшет не берёт, на коллегу никак не реагирует, продолжает смотреть на меня и судорожно хватать ртом воздух, изображая из себя выброшенную на берег рыбу.

— Да что с тобой?! — официантка тормозит её за плечо.

Алиса вздрагивает и, будто очнувшись, переводит мутный взгляд на девушку, потом на планшет в её руке. Кивает каким-то своим мыслям.

— Это же мой. Спасибо.

— Тебя подменить? — шёпотом предлагает коллега, видя, что с Алиской явно творится что-то неладное.

— Нет. Справлюсь.

Работница ресторана делает лицо: «Ну как знаешь, моё дело предложить» и исчезает.

— Глеб, — шагнув ко мне, выдыхает Алиса.

И как она это делает Дрожащий голос, в глазах — гремучий коктейль: тоска, сожаление и восторг с предвкушением. Всё на полусогнутых ногах — того и гляди завалится на колени и начнёт каяться: «Я вся твоя, только прости».

Смотрю на неё и вспоминаю старый военный фильм. Там парень служил в горячей точке, его ошибочно посчитали погибшим, а когда он живой и здоровый вернулся домой, к его ногам рухнула невеста, которая к тому моменту уже успела выйти замуж за его лучшего друга.

Невесту играла заслуженная, титулованная актриса. Но даже ей до мастерства Алисы — как до Марса на тракторе. Моя «артистка» отыграла сцену тоньше, натуральнее, с полным погружением. Только я на своих ошибках учусь: не позволю второй раз надуть себе в уши, какой бы талантливой и убедительной Алиса ни была.

Алиса

Пытаюсь успокоиться, но никак не выходит. Сердце сдурело и лупит по рёбрам, ещё немного и шарахнет insult. В голове бушует даже не ураган, а настоящий смерч, хочется сдвинуть виски ладонями и заорать: «Мысли, умоляю, заткнитесь хоть на секунду!».

Увидев Глеба, всё передумала, и что на самом деле это не он, а просто очень похожий мужчина, и что из-за стресса мне мерещится галлюцинация, и что я не на работе, а дома в кровати, сплю и вижу сон

— Ты всё знаешь, да? — задаю я крайне идиотский вопрос.

Конечно, он знает.

Стою перед ним в форме официантки, и его это не удивляет. И в ресторане он оказался наверняка не случайно, судя по его презрительному взгляду, хотел посмотреть в бесстыжие глаза той, что лгала ему и высказать всё, что накопело.

— А твой работодатель, господин Шестаков, разве не звонил? Не предупредил, что я накрыл вашу схему? Ты в следующий раз, когда буде

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.